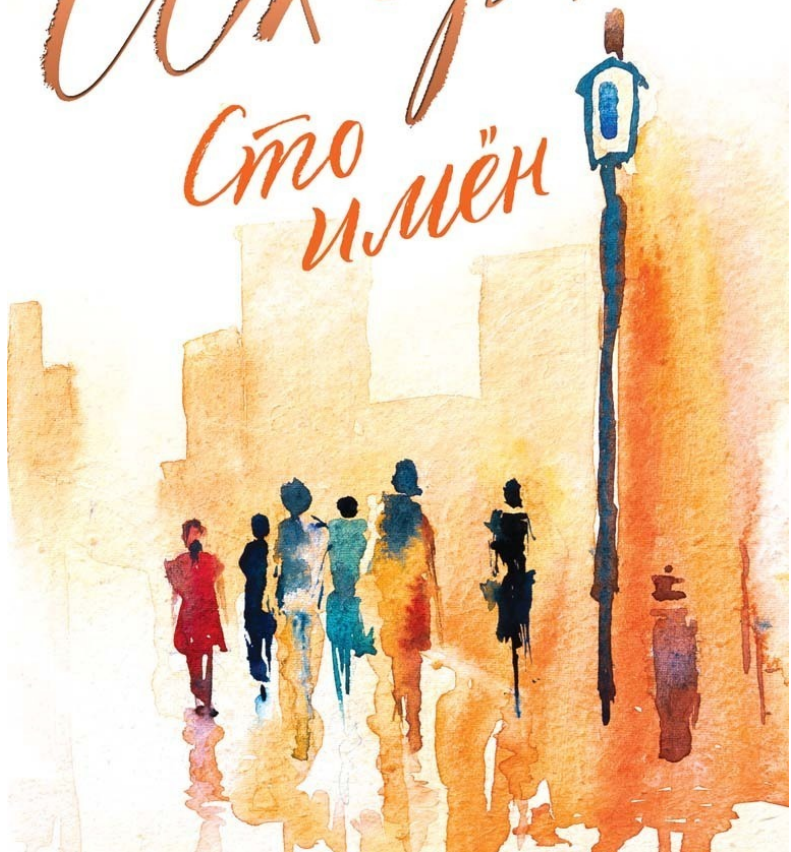

СЕСИЛИЯ

Внезапно

Сто
ищён

Сесилия Ахерн

Сто имен

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4578392

Сесилия Ахерн. Сто имен: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2017

ISBN 978-5-389-05363-2

Аннотация

Китти Логан так мечтала о карьере телеведущей! Но она совершила роковую ошибку, обвинив в отвратительном преступлении ни в чем не повинного человека, и все ее надежды рухнули. Китти стала притчей во языцех, от нее ушел бойфренд, старый друг обвинил в эгоизме, того и гляди ее уволят из журнала, в котором она проработала десять лет, и в довершение всех бед умирает Констанс – близкая подруга и наставница. Констанс задумала для журнала что-то очень интересное, однако рассказать о своей идее не успела. У Китти есть только список ста неизвестных ей имен и две недели, чтобы разгадать замысел Констанс и написать статью для номера, посвященного ее памяти. Она находит нескольких людей из списка, но никак не может понять, что же их объединяет. Чтобы проникнуть в тайну, Китти предстоит разобраться в себе самой, и тогда ее жизнь изменится...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	36
Глава четвертая	48
Глава пятая	64
Глава шестая	85
Глава седьмая	98
Глава восьмая	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сесилия Ахерн

Сто имен

Cecelia Ahern ONE HUNDRED NAMES

© 2012 CECELIA AHERN

© Дизайн обложки, HarperCollinsPublishers, 2012

© Иллюстрация на обложке, www.boldandnoble.com

© Сумм Л., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

***

*Посвящается моему дяде Роберту Эллису
(Хоппи)*

*Мы любим тебя, мы тоскуем о тебе и с
благодарностью вспоминаем тебя*

Глава первая

Ее прозвали Могила: любой секрет, личная или просто конфиденциальная информация скрывались в ней навсегда. С ней можно было чувствовать себя в безопасности, с ней ты верил, что тебя не осудят, и даже если осудят, то молча, ты об этом никогда не узнаешь. И при крещении ей досталось идеально подходящее имя – на ее родном языке оно означает «постоянство и верность». Тем мучительнее было навещать ее в таком месте. Физически мучительно, не только душевно: Китти ощущала реальную боль в груди, точнее – в сердце. Боль появилась, едва она решилась на эту поездку, боль нарастала теперь, когда Китти добралась до места, боль стала невыносимой от сознания, что все это не сон и не учебная тревога. Жизнь как она есть. Жизнь, настигнутая недугом. Скоро она будет утрачена, захвачена смертью.

Китти медленно пробиралась лабиринтом частной больницы, преодолевала крутые лестницы, хотя могла бы подняться на лифте, намеренно сворачивала не в ту сторону, любезно пропускала всех вперед при малейшей возможности, особенно пациентов, передвигавшихся с черепашьей скоростью, опираясь на ходунки и влача за собой шест с капельницей. Она чувствовала на себе взгляды – видно же, человек в растерянности без толку кружится по коридорам. Китти с готовностью ответила бы всякому, кто окликнул бы ее, – все,

что угодно, лишь бы оттянуть момент, когда придется войти в палату Констанс. Наконец все отсрочки исчерпались, она достигла тупика, полукруглой площадки с четырьмя дверями. Три двери были приоткрыты, из коридора можно было видеть пациентов и визитеров, но Китти не под силу оказалось заглянуть туда, да и зачем: и не присматриваясь к номерам палат, она догадалась, в какой именно лежит ее наставница и подруга. И была благодарна за последнюю отсрочку – закрытую дверь.

Китти постучала легонько, будто надеясь, что ей не откроют: она все сделала, приехала навестить – и не попала. Дело сделано, она свободна от всего, даже от вины. Та крошечная часть души, что еще не рассталась с логикой, напоминала, как глупа и дурна подобная надежда. Сердце билось глухо, подошвы закрипели, когда Китти принялась переминаясь с ноги на ногу. От больничного запаха ей делалось дурно. Ужасный запах. Накрыло волной дурноты, Китти глубоко вдохнула и взмолилась: верните мне умение владеть собой, верните то, что якобы дается человеку с годами, – и я сумею пережить эту минуту. Она все еще глядела себе под ноги и отсчитывала размеренные вдохи, когда дверь приоткрылась и Китти, так ни к чему и не приготовившись, оказалась лицом к лицу с медсестрой – и с Констанс, с тем, во что превратилась ее Констанс. Она заморгала, но почти сразу же сказала себе: нужно притворяться, Констанс не должна видеть, какое ошеломляющее впечатление производит на гостью. Кит-

ти попыталась что-то сказать – на ум ничего не приходило. Ничего забавного, ничего обиденного, вообще ничего, чтобы стоило сказать сейчас человеку, с которым крепко дружили десять лет.

– Впервые вижу – кто такая? – первой нашлась Констанс, французский акцент пробивался в ее речи и после тридцати с лишним лет жизни в Ирландии. Вопреки ее внешнему виду голос оставался сильным, надежным, подбадривающим – как всегда. – Вызовите охрану, пусть ее немедленно выведут.

Медсестра с улыбкой открыла пошире дверь и вернулась к пациентке.

– Я могу попозже зайти, – выдавила из себя наконец Китти. Она отвернулась, чтобы не смотреть на процедуру, но ее взгляд наткнулся на какие-то больничные атрибуты, и Китти сделала еще один полуоборот, отыскивая что-то нормальное, простое, повседневное, на что она могла бы смотреть, притворяясь, будто находится вовсе не в больнице, и нет этого запаха, и ее подруга не умирает.

– Я почти закончила. Осталось только температуру померить, – сказала сестра, засовывая кончик градусника в ухо Констанс.

Китти вновь отвела взгляд.

– Сядь тут, – позвала ее Констанс, указывая на стул возле кровати.

Китти не смела встретиться с ней взглядом. Да, это неприлично, однако ее глаза непрерывно косили, их словно магни-

том притягивало то, что не напоминало о больных и болезни. Например, гостинцы, которые Китти принесла с собой.

– Вот тебе цветы. – И она поглядела по сторонам в поисках сосуда для букета. Констанс терпеть не могла цветы, она оставляла умирать в вазе любые приношения, которые несли ей, пытаясь улестить, извиниться или добавить красок ее офису. Китти прекрасно это знала и все же купила цветы, купила именно потому, что за ними стояла очередь – еще одна желанная задержка на пути.

– Ох ты! – сказала медсестра. – Что ж вас не предупредили, что с цветами в палату нельзя.

– А, хорошо, сейчас я их унесу. – Китти вскочила, с трудом скрывая облегчение, и рванулась к двери.

– Я заберу, – сказала сестра. – Оставлю в регистратуре, заберете с собой домой. Такой красивый букет, не пропадать же ему.

– Зато я кексы прихватила! – Китти вытащила упаковку из сумки.

Медсестра и Констанс снова переглянулись.

– Да вы что? И кексов нельзя?

– Шеф предпочитает, чтобы пациенты питались только больничной едой.

Китти протянула контрабанду сестре.

– Забирайте и их домой! – рассмеялась та, проверяя показатели градусника. – Все в порядке, – с улыбкой сообщила она Констанс, и эти две женщины обменялись понимающими

ми улыбками, словно эти слова значили что-то совсем другое, ну конечно же, они имели какой-то другой смысл, чему тут быть в порядке? Рак пожирал Констанс, волосы после радиотерапии немного отросли, но торчали неровными прядями, под больничной рубашкой выступали ключицы, из обеих рук тянулись провода, трубки, а руки-то исхудавшие, в синяках от уколов и капельниц.

– Хорошо, я про кокаин под дном сумки не проговори-лась, – сказала Китти, едва за сестрой захлопнулась дверь (та весело рассмеялась уже в коридоре). – Я помню, как ты не любишь цветы, но я растерялась. Чуть было не притащила золотой лак для ногтей, духи и зеркало – типа шутка.

– Вот и принесла бы. – Глаза Констанс все еще сверкали голубыми искрами, и если смотреть только в эти полные жизни глаза, истаявшее тело почти получается не замечать. Почти, но не совсем.

– Да нет, это вовсе не смешно.

– Я бы посмеялась.

– Принесу в следующий раз.

– Это уже будет не смешно. Шутку-то я слышала. Дорогая моя. – Она дотянулась до пальцев Китти и крепко сжала их поверх больничного покрывала. Китти старалась не смотреть на ее руки – тонкие, изболевшиеся. – Я так рада тебя видеть.

– Прости, что задержалась.

– Да уж, добиралась ты долго.

– Пробки... – начала было Китти, но шутка не шла с языка. Задержалась она не на час – на месяц с лишним.

Молчание. Затем Китти догадалась: ей предоставлена пауза, чтобы объяснить, отчего же не приходила раньше.

– Ненавижу больницы.

– Знаю. У тебя нозокомефобия, – ответила Констанс.

– Что это?

– Страх перед лечебными заведениями.

– Не знала, что для этого есть специальное слово.

– Слово есть для всего. У меня две недели нет стула, это, оказывается, «анизм».

– Об этом можно бы написать, – рассеянно сказала Китти.

– Ну уж нет. Работа моей прямой кишки останется тайной между мной, Бобом, тобой и той милой женщиной, которая ухаживает за моей попой.

– Не об этом – о больничной фобии. Это неплохой сюжет.

– Объясни почему.

– Допустим, я найду человека с такой фобией, и он тяжело болен, а лечиться не может.

– Дома будут лечить. Подумаешь, проблема!

– Или у женщины начались схватки, она шагает взад-вперед перед приемным покоем, но никак не заставит себя переступить порог.

– Родит в «скорой», или дома, или на улице. – Констанс пожалала плечами. – Однажды я собирала материал о женщине, которая родила в укрытии во время войны в Косово. Она

осталась одна, это был ее первенец. Их нашли через две недели, мать и ребенок были вполне здоровы и счастливы. В Африке женщины и вовсе рожают в поле и сразу же возвращаются к работе. У некоторых племен рожают танцуя. В западном мире с роженицами слишком носятся, все устроено неправильно. – Констанс пренебрежительно, с видом знатка, помахала рукой, хотя сама никогда не рожала. – Я писала об этом.

– Врач, который не в состоянии ходить на работу, – все еще не сдавалась Китти.

– Нелепость! Он потеряет лицензию.

Китти рассмеялась:

– Ты, как всегда, спуску не даешь! – Улыбка ее погасла, она впервые по-настоящему увидела пальцы Констанс на своей руке. – А как насчет эгоистичной женщины, которая никак не решится навестить больную подругу?

– Но ты же пришла, и я очень рада тебя видеть.

Китти сглотнула:

– Ты ничего не сказала об этом.

– О чем?

– Ты знаешь, о чем.

– Не знала, готова ли ты это обсуждать.

– По правде говоря, нет.

– Вот видишь.

Они помолчали.

– Меня полощут в газетах, на радио – везде, – решилась

наконец Китти.

– Я здесь не получаю газет.

Китти притворилась, будто не замечает стопку на подоконнике.

– Куда бы я ни пошла, все смотрят на меня, тычут пальцами, словно я прокаженная.

– Обратная сторона популярности. Ты же телезвезда.

– Я не телезвезда. Я – идиотка, осрамившаяся на телевидении. Есть разница, а?

Констанс молча пожала плечами, словно разница не так уж и велика.

– Ты не советовала мне идти на телевидение. Скажи теперь: «Я же тебя предупреждала» – и покончим с этим.

– Я никогда так не говорю. От подобных слов никакого толку. – И Констанс снова пожала плечами, ее фирменный жест.

Китти выпустила пальцы Констанс и тихо спросила:

– Работа все еще за мной?

– Пит не поговорил с тобой? – Похоже, Констанс рассердилась на ответственного редактора.

– Говорил. Но мне надо услышать это от тебя. Мне важно услышать это от тебя.

– «Etcetera»¹ по-прежнему желает видеть тебя в своем штате, – без колебаний ответила Констанс.

– Спасибо! – шепнула Китти.

---

¹ Et cetera – и так далее (*лат.*).

– Я поддержала твоё желание работать на телевидении, потому что знаю: ты хороший репортер, а можешь стать великим. У всех бывают ошибки, у кого-то больше, у кого-то меньше, но никто не безгрешен. И когда такое случается, надо использовать этот опыт, чтобы стать лучшим репортером, а главное, лучшим человеком. Помнишь, какой сюжет ты предложила мне, когда явилась на собеседование десять лет тому назад?

Китти рассмеялась, но её передернуло.

– Нет, – солгала она.

– Конечно же, помнишь. Ладно, раз ты не хочешь сказать, скажу я: я спросила, если бы тебе прямо сейчас предложили написать статью о чем угодно, какой сюжет ты бы выбрала.

– Не надо, Констанс! Все я помню! – Китти сильно покраснела.

– А ты ответила, – продолжала Констанс, будто её и не перебивали, – что слышала о гусенице, которая не смогла превратиться в бабочку.

– Да помню я, помню.

– И ты бы хотела узнать, как чувствует себя тот, кого лишили такого чуда. Ты хотела понять, что чувствует гусеница, если у нее на глазах сестры превращаются в бабочек, а она знает, что с ней этого никогда не случится. Собеседование проходило в день президентских выборов в США, в тот самый день затонул круизный лайнер с четырьмя с половиной тысячами пассажиров на борту. Из двенадцати кандидатов,

явившихся к нам в тот день, ты единственная не заговорила о политике и о лайнере и не выразила желания провести день с Нельсоном Манделой. Тебя интересовала только эта бедняжка гусеница.

Невольно Китти улыбнулась:

– Да, я пришла к тебе прямиком из университета. Травка еще не выветрилась из организма.

– Нет, – прошептала Констанс, снова беря Китти за руку. – На том собеседовании ты сумела убедить меня: ты не боишься летать, ты боишься, что тебе не дано будет оторваться от земли.

Китти с трудом сглотнула, подступили слезы. Она так и не взлетела, и уж теперь – вряд ли.

– Некоторые считают, что нельзя действовать под влиянием страха, но если человек не боится, так в чем риск и вызов? Лучшие свои работы я делала, когда признавала свой страх и бросала себе вызов. И вот я увидела молоденькую девушку, страшившуюся, что не полетит, и сразу подумала: «Ага, наш человек!» Потому что в этом суть «Etcetera». Да, мы пишем о политике, но мы пишем о людях в политике, нас интересует их эмоциональный опыт, не только действия, но причины этих действий. Что с ними было в жизни, откуда берется их вера, откуда чувства. И о диетах мы пишем, но не о экологически чистых продуктах и цельных злаках: нам важно *кто* и важно *почему*. Люди, их чувства, их переживания. Пусть продадим меньше, но значим мы больше, – это, конечно, мое

личное мнение. «Etcetera» не перестанет публиковать тебя, Китти, до тех пор, пока ты будешь писать то, во что веришь. Ни в коем случае не пиши по чужой подсказке, если тебе станут говорить: вот, мол, отличный сюжет. Никто не знает заранее, что люди захотят прочесть, услышать или увидеть, читатели и сами этого не знают, сперва прочтут, потом решат. В том-то и суть: создается нечто оригинальное. Надо искать новое, а не перемешать старое и скормить потребителю. – Констанс иронически приподняла брови.

– Сюжет был мой, – негромко возразила Китти. – Некого винить, кроме самой себя.

– В каждом сюжете еще много людей участвует, кроме автора. Сама знаешь: если бы ты с этим пришла ко мне, я бы за это не взялась. А если бы даже – гипотетически – взялась, я бы успела остановить это, пока не стало слишком поздно. Тревожных сигналов хватало, и кто-нибудь из начальства мог бы обратить на это внимание, но раз ты решила взять всю вину на себя, так задай себе вопрос: почему тебе так сильно хотелось раскрыть именно этот сюжет? – Констанс примолкла, и Китти подумала, не ждет ли она немедленного ответа, но Констанс просто собиралась с силами. Через минуту она продолжала: – Однажды я брала интервью у одного человека, и мои вопросы почему-то его веселили, чем дальше, тем больше. Когда я спросила его, в чем дело, он ответил: вопросы гораздо больше говорят об интервьюере, чем об интервьюируемом. В этой беседе он куда больше выяснил

обо мне, чем я о нем. Мне это показалось интересным, и тот человек был прав, по крайней мере в том случае. С тех пор я часто думаю, что выбор темы больше говорит об авторе, чем о самой теме. На факультете журналистики нас учат отстраняться от сюжета и сохранять объективность, но зачастую приходится погружаться в сюжет, чтобы понять, сблизиться, помочь читателям и зрителям проникнуться этой историей, иначе в ней не будет души – такой текст мог бы сочинить и робот. И при этом не впихивать в сюжет свою *позицию*. Об этом я тоже немало думала, Китти. Не люблю, когда журналист использует сюжет как повод изложить свое мнение. Какое нам дело, что думает отдельный человек? Вот народ или все женщины, все мужчины – это мне интересно. Но понимание должно присутствовать в каждом абзаце текста, чтобы читатель ощущал чувство за твоими словами.

Китти предпочла бы не вникать в то, что говорит о ней выбор *этой* темы. Она бы предпочла вообще не говорить и не думать о том сюжете, вот только на ее канал подали в суд и ей самой в ближайшие дни предстояло отвечать по иску о клевете. Голова уже распухла, Китти устала думать об одном и том же, устала перебирать, как же это могло случиться, но внезапно нахлынула потребность в исповеди, потребность попросить прощения за все, что она натворила, – только так ей удастся вернуть себе чувство собственного достоинства.

– Я должна кое в чем признаться.

– Обожаю слушать признания.

– Когда ты приняла меня на работу, я была в таком восторге! И первым делом решила написать ту самую историю про гусеницу.

– Вот как?

– Конечно, я не могла взять интервью у гусеницы, но этот образ послужил бы затравкой для рассказа о людях, которые хотят летать, но не могут. О том, что такое – чувствовать, что ты прикован к земле, крылья обрезаны. – Китти посмотрела на Констанс: тело, почти сливающееся с больничной постелью, огромные глаза, и чуть не разрыдалась. Она знала, Констанс понимает ее с полуслова. – Я взялась за расследование... Прости! – Китти зажала рукой рот, пытаясь сдержаться, и все же слезы хлынули. – Выяснилось, что я ошибалась. Эта гусеница, про которую я говорила, которая живет на олеандре, она все-таки потом летает. Она превращается не в бабочку, а в мотылька. – Глупо плакать, но ведь не о гусенице она рыдает, о себе: в тот раз, как и в этот, сюжет выскользнул у нее из рук, но теперь последствия ее упущения катастрофические. – Меня отстранили от эфира.

– Тебе же на пользу. Будешь снова рассказывать свои сюжеты, когда все уляжется.

– Нет у меня больше сюжетов. Я все время боюсь снова провалиться.

– Больше такого не случится, Китти. Знаешь, чтобы раскрыть сюжет, чтобы найти истину, как я говорю, не нужно

отправляться боевым строем, паля из всех орудий и обличая ложь. И не всегда истина – открытие всемирного значения. Просто доберись до настоящего, до сути.

Китти закивала, шмыгнула носом.

– Прости, я не за тем шла, чтобы говорить о себе. Мне так жаль. – Она подалась вперед, сидя на стуле, уронила голову на постель, стыдясь смотреть Констанс в глаза, стыдясь самой себя: ее подруга тяжело больна, ей хватает о чем беспокоиться, а она и в больничную палату свою ерунду притащила!

– Тшш, – шепнула Констанс, ласково проводя рукой по волосам Китти. – Такая концовка мне еще больше нравится. Значит, бедная гусеница все-таки поднимется в воздух.

Китти подняла голову и увидела, какое измученное у Констанс лицо.

– Ты как? Позвать сестру?

– Нет-нет. Иногда находит, – ответила Констанс. Веки ее отяжелели, накрыли глаза. – Немножко посплю и снова буду в порядке. Ты не уходи, нам еще о многом нужно поговорить. Например, о Глене. – Она с усилием улыбнулась.

Китти кое-как улыбнулась в ответ.

– Спи, – шепнула она. – Я тут рядом посижу.

Констанс всегда умела читать по лицу Китти, любую ее ложь угадывала в тот же миг.

– Не беда, он не особо мне нравился.

И ее веки сомкнулись.

Китти присела на подоконник в палате, смотрела, как проходят внизу люди, прикидывала, каким путем возвращаться домой, чтобы никому не попадаться на глаза. Звуки французской речи вывели ее из транса, она оглянулась в изумлении: Констанс только ругалась на родном языке, сверх того за десять лет знакомства Китти не слышала от нее ни одного французского слова.

– Что ты сказала?

Констанс не сразу переключилась. Откашлялась, собралась с мыслями.

– Ты была где-то далеко.

– Думала о том о сем.

– Я давно хотела тебя спросить... – Китти вернулась на стул возле постели Констанс.

– О чем? Почему у нас с Бобом нет детей? – Констанс приподнялась и взяла поильник, выпила глоток через соломинку.

– Это понятно: у тебя и растения засыхают на корню, что бы ты с ребенком делала? Нет, я хотела спросить, попадался ли тебе сюжет, о котором ты бы хотела написать, но по той или иной причине так и не написала?

Констанс сразу же загорелась.

– Отличный вопрос! И кстати, это само по себе – сюжет. – Она внимательно посмотрела на Китти. – Расспросить старых писателей о тех сюжетах, которые ускользнули? А? Что

скажешь? Я поговорю насчет этого с Питером. Или обратиться к авторам, которые уже отошли от дел, попросить написать для журнала тот рассказ, который они так и не написали. Ойсин О'Келли, Оливия Уоллес – дать им возможность рассказать свою историю. Можно сделать отдельный выпуск.

– Ты хоть иногда тормозишь? – невольно рассмеялась Китти.

Послышался негромкий стук в дверь, вошел Боб, муж Констанс. Вид у него был усталый, но при виде жены в глазах загорелся теплый огонек.

– Привет, дорогая. Китти, и тебе привет. Хорошо, что ты с нами.

– Пробки, – тупо повторила Китти.

– Знаю, как оно бывает, – улыбнулся он и, подойдя вплотную, поцеловал Китти в макушку. – Меня тоже порой что-то задерживает, но лучше поздно, чем никогда. – Он оглянулся на Констанс, та гримасничала, напряженно размышляя. – Пытаешься сходить по большому, любовь моя?

Констанс рассмеялась:

– Китти спросила меня, какую историю я всегда хотела написать, но так и не написала.

– Вот оно что. Не заставляй ее думать, доктора не велят, – усмехнулся Боб. – Но это хороший вопрос. Дай угадаю: это когда в Антарктиде разлилась нефть и ты взяла эксклюзивное интервью у пингвина-очевидца?

– Не брала я интервью у пингвина! – рассмеялась Кон-

станс и тут же передернулась от боли.

Китти занервничала, но Боб привычно продолжал, будто ничего не заметив:

– Значит, это был кит. Кит-очевидец. Готовый рассказать каждому, кто до него доберется, обо всем, что он видел.

– Капитан! Я собиралась взять интервью у капитана корабля! – огрызнулась Констанс, но явно любя.

– Почему же не взяла? – спросила Китти, любуясь супругами.

– Рейс задержали, – ответила она, оправляя простыни.

– Паспорт не смогла найти, – выдал жену Боб. – Ты же знаешь, на что похожа наша квартира. Там можно спрятать «Свитки Мертвого моря»², и мы никогда об этом не узнаем. С тех пор паспорта хранятся в тостере, чтоб больше не терялись. В общем, она осталась дома, а с капитаном поговорил другой корреспондент, не будем называть его имени. – Обернувшись к Китти, Боб шепнул ей: – Дэн Каммингс.

– О, ты меня прикончил, я умираю! – простонала Констанс и драматически откинулась на подушку.

Китти закрыла лицо руками: почему-то ей казалось невозможным рассмеяться.

– Ага, теперь мы от нее избавились! – поддел Боб. – Так каков же твой ответ, милая? Очень хочется знать!

---

² «Свитки Мертвого моря» – древнееврейские рукописи, одна из важнейших археологических находок XX в. Первые свитки в 1947 г. были случайно обнаружены в пещере на берегу Мертвого моря пастухами-бедуинами.

– Ты и правда не знаешь? – спросила Китти у Боба.

Он покачал головой, пожал плечами, и вместе они стали наблюдать за тем, как Констанс размышляет, – зрелище и впрямь забавное.

– Ах, – воскликнула она вдруг, и взгляд ее оживился. – Вспомнила! Эта идея пришла мне в голову не так уж давно, в прошлом году, перед тем как... Это скорее эксперимент, но тут, в больнице, я частенько вспоминаю о нем.

Китти придвинулась ближе, чтобы не пропустить ни слова.

Констанс откровенно наслаждалась их нетерпением.

– Наверное, это одна из лучших моих идей.

Китти аж застонала.

– Вот что: папка у нас дома, в моем кабинете. Тереза впустит тебя, если сумеет оторваться от Джереми Кайла³. Ищи на букву «И» – «Имена». Принесешь мне папку, тогда и расскажу, что к чему.

– Нет! – засмеялась Китти. – Ты же знаешь, я не умею ждать. Расскажи сейчас.

– Расскажи тебе сейчас – и ты больше не придешь.

– Приду, честное слово.

Констанс усмехнулась:

– Нет, условие будет такое: принеси папку, и я расскажу.

– Уговор.

На том они пожали друг другу руки.

---

³ Джереми Кайл – британский телеведущий.

Глава вторая

По тихим боковым улочкам (крыса, пробирающаяся сточными канавами) Китти ехала на велосипеде домой, чувствуя, как убывают силы. Сначала эйфория после встречи с подружкой, потом вернулась реальность – все, что случилось с Констанс и что случилось с ней самой, – и надежда угасла.

«Тридцать минут» – телешоу, пригласившее Китти год тому назад, ее великий прорыв, ее гибель, – насчитывало около полумиллиона зрителей. Прекрасно для страны с населением пять миллионов человек, но вряд ли Китти превратилась бы в новую Кэти Курик⁴. Теперь, после катастрофического провала, ее отстранили от эфира и вызвали в суд по обвинению в клевете. Сюжет вышел в эфир четыре месяца назад, в январе, но шум в прессе поднялся именно теперь, когда оставался день или два до суда. Заголовки газет кричали о ней – лицо Китти, ее злополучный промах стали известны куда более чем полумиллиону человек.

Разумеется, публика быстро обо всем забудет, но пострадала профессиональная репутация, карьера уничтожена. Спасибо еще, что «Etcetera» – журнал, основателем которого и бессменным руководителем была Констанс, – сохранил за ней место. Да и то благодаря одной лишь Констанс. Боль-

---

⁴ Кэти Курик – известная журналистка, первая женщина, которая самостоятельно вела вечерние новости на крупнейшем телеканале США.

ше у Китти сторонников не имелось, и хотя Боб, заместитель главного редактора, оставался вроде бы ее другом, Китти не знала, удержится ли на работе, когда Констанс уже не сможет ее поддержать. Страшно было представить себе жизнь без Констанс, а профессиональную жизнь без нее – и вовсе невозможно. Констанс всегда была рядом, она пестовала молодую журналистку, направляла ее, давала советы и предоставляла свободу искать свой голос, принимать собственные решения. Это значило, что любой успех принадлежит самой Китти, но также – это она осознала только сейчас, – что ее, и только ее, подпись будет стоять под каждой ошибкой. И вот к чему это привело.

Телефон вновь завибрировал в кармане, но Китти за неделю уже привыкла не отвечать на звонки. Как только стало известно, что дело передано в суд, журналисты обзвонились, люди, которых она принимала за друзей, чуть ли не шантажировали Китти, чтобы раздобыть матерьялец. Тактика у каждого своя, одни сразу же требовали ответа, другие взывали к чувству товарищества: «Сама знаешь, Китти, на меня давят. Начальству известно, что мы с тобой дружим, от меня требуют информации». Или вдруг как с неба свалятся, пригласят на ужин, в бар, на юбилей родителей, на дедушкино восьмидесятипятилетие, ни словом при этом не обмолвившись об истинной своей цели. Ни с кем из этих умников Китти не стала ни встречаться, ни разговаривать, она потихоньку усваивала урок и вычеркивала одно имя за другим из

списка тех, кого привыкла поздравлять с Рождеством. Один только человек до сих пор не звонил – Стив, действительно близкий друг. Они вместе учились на факультете журналистики и приятельствовали с тех самых пор. Стив мечтал сделаться спортивным обозревателем, но добился лишь возможности расписывать частную жизнь футболистов для таблоидов. Это он посоветовал Китти сходить на собеседование в «Etcetera» – почитал журнал в приемной врача после единственной в их жизни эскапады, с тех пор оба твердо знали, что предназначены быть друзьями, и только друзьями. Мысль о Стиве мистически совпала с упорными гудками телефона, и наступило прозрение: Китти спустила ноги с педаль и полезла за телефоном. Да, это Стив. Может быть, не отвечать? Она уже и в нем сомневалась. Эта история все перевернула вверх дном, неизвестно, кому еще можно доверять, кому не стоит. И все же она ответила.

– Без комментариев! – рявкнула в трубку.

– Прошу прощения?

– Я сказала: без комментариев. Передай своему боссу, что я не ответила на звонок, что мы поссорились, да мы сейчас и поссоримся – поверить не могу, что ты посмел позвонить мне, так злоупотребить дружбой!

– Обкурилась, что ли?

– Что? Нет, конечно. Погоди, про меня что, теперь говорят, что я наркоша? Если так, я...

– Китти, заткнись. Хорошо, я передам боссу, что Китти

Логан, про которую он, кстати говоря, и слыхом не слыхивал, не желает комментировать новую модную линию Виктории Бекхэм. Потому что пишу я именно об этом. Не о матче «Карлоу» с «Монэгэном» на звание чемпиона, хотя это потрясающе, «Карлоу» вернулся в финал Ирландии впервые с тридцать шестого года, а «Монэгэн» не добрался до финала с тридцатого, но всем наплевать! Во всяком случае, в моей редакции всем наплевать. Нам важно одно: эта новая линия «в глаз» или «пас», «супер» или «глупер» – два еще не избитых антонима в рифму, вот что я должен придумать и никак из себя не выжму.

На том Стив оборвал свой монолог, и Китти, не удержавшись, рассмеялась. Впервые за неделю расхохоталась от души.

– Рад, что хоть одному из нас весело.

– Я думала, тебе разрешают писать только о футболе.

– Виктория – жена Дэвида Бекхэма, так что по их понятиям это относится к футболу. Но я звоню не затем, чтобы просить помощи с этим идиотским заголовком. Хотел убедиться, что ты не гниешь у себя в квартире.

– В основном гнию, но выбралась повидать Констанс. Теперь еду обратно, продолжу гнить с того места, на котором остановилась.

– Отлично, увидимся. Да, Китти, – он заговорил серьезно, – привези моеющее средство и большую губку.

В желудке неприятно заурчало.

«Сука-журналига», – прочла Китти надпись, сделанную на двери краской из пульверизатора, когда добралась с велосипедом до верхней площадки. Квартира-студия располагалась в Фейрвью, недалеко от центра, – можно добраться на велосипеде или даже пешком, а благодаря тому, что внизу работала химчистка, квартплата была не так уж высока.

– Ты бы переехала, – посоветовал Стив, опускаясь рядом с ней на колени и принимаясь скрести дверь.

– Не могу. Другую квартиру я не потяну. Или ты знаешь подходящее помещение над химчисткой?

– Химчистка – обязательное условие?

– Стоит мне открыть окно днем или ночью, меня обдаёт запахом тетрахлорэтилена, он же тетрахлорэтин, он же перхлорэтилен, известный так же как ПХЭ. Слышал о таком?

Стив покачал головой и добавил отбеливателя.

– Им чистят одежду, снимают жирные пятна с металла. ВОЗ включила его в список вероятных канцерогенов. Тесты показали, что кратковременное – до восьми часов – пребывание в атмосфере с пропорцией семьсот тысяч микрограммов ПХЭ на кубический метр воздуха вызывает расстройство нервной системы, проявляющееся в головокружении, сонливости, головной боли, дурноте и потере координации. Красное так сразу не отмоешь, верно?

– Давай ты зеленое, а я займусь красным.

Они поменялись местами.

– Концентрация в триста пятьдесят тысяч микрограммов на кубометр через четыре часа начинает действовать на зрительный нерв. – Китти окунула губку в ведро с водой и продолжала оттирать дверь. – У работников химчистки со временем обнаруживаются изменения биохимического состава мочи и крови. А поскольку испарения ПХЭ проходят через стены и потолки, обследование четырнадцати взрослых человек, живущих рядом с химчистками, обнаружило более низкие результаты поведенческих тестов, чем в контрольной группе.

– Так вот что с тобой неладно. Судя по словесному поносу, ты разрабатывала этот сюжет о ПХЭ.

– Не совсем. Я собрала данные, потом сообщила владельцу дома, он же хозяин химчистки, что собираюсь об этом писать и что материал о воздействии ПХЭ на нервную систему непременно попадет в руки и окрестных жителей, и его работников. В результате он снизил мне квартплату на сто евро.

Стив как-то странно глянул на нее:

– Почему же он попросту не сдал квартиру кому-нибудь еще?

– Я предупредила, что поставлю в известность любого потенциального арендатора, которого ему удастся найти. Он сдался.

– Ну ты и... – Стив покачал головой.

– Пройдоха? – усмехнулась она.

– Скорее сука-журналига, – сказал он. – Не стоило и оттирать, они правы.

Он все смотрел на нее так, словно впервые увидел.

– Да ведь это они травят меня ПХЭ, а не я их!

– Переезжай.

– Не по карману.

– Китти, нельзя вот так направо-налево запугивать людей.

Нельзя использовать свою профессию, чтобы получать то, чего захотелось. Это шантаж.

– О-о! – сердито протянула она, швырнула губку в ведро с водой и отворила дверь.

Дверь она так и оставила открытой, присела за кухонный стол, дожидаясь Стива. Надкусила кекс, который пришлось забрать из больницы домой. Стив вошел и прикрыл за собой дверь, но остался стоять.

– Хочешь о чем-то поговорить, Стив?

– Я зашел посмотреть, как ты себя чувствуешь перед судом, но чем больше ты болтаешь, тем больше я за тебя тревожусь.

Кекс во рту превратился в песок. Китти поспешно его проглотила. И вот оно:

– Ты обвинила учителя физкультуры с безупречной репутацией, женатого, отца маленьких детей, в том, что он сексуально домогался двух учениц и стал отцом внебрачного ребенка. Обвинила его по телевидению, на всю страну. И это оказалось неправдой.

Китти уставилась на друга, глаза горели от непролитых слез, сердце щемило. Да, она много чего натворила, она допустила непростительную ошибку, но дает ли это ему право так безжалостно обличать ее?

– Я знаю все это. Знаю, что я наделала, – сказала она твердо, хотя особой уверенности и не чувствовала.

– И ты сожалеешь об этом?

– Еще как сожалею, черт побери! – взорвалась Китти. – Моя карьера рухнула. Никто больше не возьмет меня на работу. Это обойдется моему каналу в кругленькую сумму, если истец выиграет дело, а он, скорее всего, выиграет, не говоря уж о судебных издержках и об уроне *их* репутации. Со мной покончено. – Китти полностью утратила власть над собой и видела, что ее обычно спокойный приятель на этот раз с трудом сдерживается.

– Об этом я и говорю, Китти.

– О чем об этом?

– Твой тон. Ты так... так небрежна.

– Небрежна? Я в ужасе, Стив.

– Ты боишься за себя. За «тележурналистку Кэтрин Логан», – пальцами он обозначил кавычки.

– Не только. – Она с трудом сглотнула. – Насчет работы в «Etcetera» я тоже не уверена. Все поставлено на карту, Стив.

Он невесело засмеялся:

– Об этом я и говорю. Вот ты опять. Только и слышно: погибло *твое* имя, *твоя* репутация, *твоя* карьера. И тут же

ты рассказываешь мне, как шантажировала домовладельца. Ты изменилась, Китти. – Он перестал расхаживать по кухне и посмотрел ей прямо в глаза. – Весь прошлый год я думал, что с тобой творится?

– Целый год? По-моему, ты преувеличиваешь, – с тревогой отозвалась она. – О'кей, я выпустила непроверенный сюжет, а что до квартиры? Это же безобидная проделка! Поймай-ка, а кто притворился, будто у него в бургере обнаружился *лобковый волос*, и все затем, чтобы получить второй бургер бесплатно? И ведь ты его получил. Бедняга менеджер, ты осрамил его в присутствии других клиентов.

– Мне было восемнадцать, – негромко возразил он. – А тебе уже тридцать два.

– Тридцать три. Ты пропустил мой день рождения, – по-детски возразила она. – Да, я такая. Во всем вижу сюжеты.

– И используешь эти сюжеты во зло?

– Стив!

– Раньше ты умела находить сюжеты, Китти! Умела писать. Тебе важно было рассказать интересную историю, а не подставить человека или добиться своего.

– Прости, а я и не знала, что твоя заметка о новой модной линии Виктории Бекхэм призвана изменить наш мир! – парировала она.

– Что я пытаюсь тебе сказать: мне нравилось читать твои статьи, нравилось тебя слушать. А теперь ты попросту...

– Что я теперь? – переспросила она, и слезы хлынули.

– Не важно.

– Нет уж, пожалуйста, скажи мне, что я такое, я ведь только это и слышу на каждом новостном канале, читаю на сайтах, на моей собственной двери это пишут каждый день всю неделю, и пусть теперь лучший друг скажет мне это в глаза, только этого мне и не хватало! – Она уже орала в голос.

Он вздохнул и отвернулся.

Повисло молчание.

– Как это исправить, Стив? – спросила она наконец. – Что сделать, чтобы ты, чтобы все на свете простили меня?

– Ты с ним поговорила?

– С кем? С Колином Мерфи? Нет, нам предстоит встретиться в суде. Если я попытаюсь с ним заговорить, только хуже наделаю. Мы принесли ему извинения в начале передачи, когда выяснилось, что не он – отец ребенка. Посвятили ему часть времени от нового шоу.

– Думаешь, от этого ему стало легче?

Китти пожала плечами.

– Китти, если бы ты обошлась со мной так, как с ним, я бы граффити на двери не ограничился. Я бы, наверное, тебя убил, – сурово произнес он.

Глаза ее расширились.

– Стив, ты меня пугаешь!

– Ты все никак не поймешь, Китти! Речь не о твоей карьере и не о твоей репутации. Вообще не о тебе. Подумай *о нем*.

– Я не знаю, что делать. – Она все еще сопротивлялась. –

Может быть, если бы я сумела объяснить, как это вышло... Те две женщины были так убедительны, Стив! Их рассказы во многом совпали, даты, время, все выглядело так... достоверно. И ведь я копала, Стив, поверь мне, копала очень тщательно. Я же не кинулась с этим сразу в эфир. Я возилась полгода. Продюсер поддержал идею, редактор поддержал, я же не одна этим занималась. И передача была не только о нем. Ты ее видел? О том, что в Ирландии множество педофилов и сексуальных маньяков, которые ухитряются получить работу в школе или в другой профессии, где имеют доступ к детям, хотя были уличены в развратных действиях по отношению к своим подопечным.

– Другие, но не этот человек. Он ни в чем не виновен.

– О'кей, он не виновен! – сердито сказала она. – Тут я ошиблась. Но весь остальной мой материал оказался без изъяна! Не к чему придраться, как ни старались.

– Точность – твоя работа. Нечем тут хвалиться.

– Любой в нашей студии попался бы точно так же! Просто это письмо было адресовано мне.

– Не случайно: эти женщины подставили тебя, использовали тебя, чтобы подставить его. Ты искала сенсации, они знали, что ты не упустишь такой сюжет, свой момент славы.

– Я готовила эту передачу вовсе не ради «момента славы».

– Разве? В жизни не видел тебя такой взбудораженной, как в тот день, когда ты заполучила работу в студии. А ведь ты готовила передачу о *чае*! Попроси тебя Констанс написать

о чае, ты бы послала ее в болото. Но телевидение для тебя наркотик.

Она попыталась сделать вид, будто Стив не прав. Но что толку? Он угадал. В передаче «Тридцать минут» всегда был гвоздь, основной сюжет, журналистское расследование, и каждый мечтал приняться за него. Остальные элементы передач – менее значимые, местного уровня, ничего сверхъестественного. Для начала Китти велели разобраться, почему клиенты предпочитают тот или иной сорт чая. Она обегала чайные фабрики, провела съемки в чайных отделах супермаркетов, посещала утренние чаепития и в итоге пришла к выводу, что большинство людей попросту пьют тот же чай, который пили их родители. Семейная традиция. Выпуск длился четыре минуты пятьдесят секунд, но Китти казалось – она сотворила шедевр. Четыре месяца спустя она получила письмо, адресованное лично ей двумя женщинами, выдвинувшими обвинение против Колина Мерфи, и Китти сразу же страстно поверила им, она работала с ними и помогла подготовить передачу. Безумное возбуждение, накаленная обстановка телестудии, ее шанс перейти от безвредных сладеньких историй к настоящему делу, – она погналась за правдой, а в результате поверила в ложь, повторила эту ложь, испортила человеку жизнь.

Стив огляделся, как будто что-то искал.

– Что ты высматриваешь? – совсем уже обессилив, спросила Китти.

– А где Глен?

– На работе.

– Кофеварку он обычно берет с собой?

Китти глянула на кухонный шкафчик, не очень-то сообщая, что к чему, но тут их разговор прервал звонок.

– Это мама. Черт!

– Когда ты ей последний раз звонила?

Снова ком в горле. Китти обреченно покачала головой.

– Бери трубку! – приказал Стив.

Не сдвинется с места, пока она не ответит.

– Алллло! – демонстративно протянула она, и тут Стив наконец развернулся к двери.

– Кэтрин, это ты?

– Да, это я.

– Ох, Кэтрин! – Мать зарыдала прямо в трубку. – Кэтрин, Кэтрин, что ж это такое!

Китти с трудом разбирала слова.

– Мама, что случилось? – Китти даже села, страшась услышать самое худшее. – Папа? Кто-то заболел?

– Ох, Кэтрин! – всхлипывала мать. – Я этого больше не выдержу. Нам всем так стыдно за тебя. Как ты могла? Как ты могла так поступить с этим человеком?

Китти уселась поудобнее и приготовилась слушать выговор до конца. И только тут она заметила, что пропал и плазменный телевизор Глена, а когда она встала и подошла к шкафу, в нем не обнаружилось и мужской одежды.

Глава третья

Через неделю – то была самая долгая неделя в ее жизни – Китти проснулась среди ночи, и ее прошиб пот. Приснился кошмар настолько жуткий, что вышвырнул ее из сна и оставил лежать среди перепутанных простыней, сердце отчаянно билось. Ей страшно было даже поглядеть по сторонам, но когда кошмар отступил, Китти собралась с духом и села в постели. Дышать невозможно. Она распахнула окно спальни и глубокими глотками стала пить ночной воздух, но вместе с ним в легкие проникли испарения от круглосуточно трудившейся химчистки. Китти закашлялась, захлопнула окно и направилась к холодильнику. Она постояла голышом перед открытой дверью, сбивая жар. Она не была готова к тому, что ждало ее утром. Совершенно не сумела к этому подготовиться.

«Репутации Колина Мерфи был нанесен непоправимый ущерб, его жизнь полностью переменялась, он вынужден был покинуть свой дом и район проживания из-за выпуска передачи «Тридцать минут» от десятого января. Кэтрин Логан подстерегла мистера Мерфи возле его места работы и обвинила в сексуальных домогательствах по отношению к двум девушкам и в тайном отцовстве. Хотя мистер Мерфи решительно отрицал все обвинения и неоднократно предла-

гал пройти тест ДНК, программу выпустили в эфир. Безответственные и непрофессиональные действия Кэтрин Логан, Донала Смита и Пола Монтгомери самым неблагоприятным образом отразились на мистере Мерфи».

Кэтрин сидела в суде рядом с продюсером «Тридцати минут» Полом и редактором Доналом. Зачитывался многостраничный приговор, итогом которого будет требование четырехсот тысяч евро компенсации и издержек. С каждым словом, с каждым обвинением Китти проникалась все более лютой ненавистью к самой себе. Зал битком набит: Колин Мерфи с семьей – с женой, родителями, сестрами – и друзья, и соседи, тоже явились поддержать его, сверлили взглядами спину «суки-журналиги». Китти ощущала сгущавшийся гнев, ненависть, но острее всего – боль Колина Мерфи. Он сидел, низко опустив голову, уткнувшись подбородком в грудь, не отрывая взгляда от пола. Вид у него был – словно годами не высыпался.

Команда «Тридцати минут» и их юристы вышли из зала, ловко протискиваясь сквозь толпу репортеров с фотокамерами – среди них были и люди с их собственного канала, но они тоже тыкали камеры Китти в лицо так, словно она – преступник из тех, кого регулярно показывают в судебной хронике. Коллеги-мужчины шагали так быстро, что Китти едва поспевала за ними, а переходить на бег не хотела. Смешно тревожиться о том, как бы не вывихнуть ногу, после того как наделала столько ошибок, привела их всех сюда, на

скамью подсудимых, и все же остатками здравого рассудка Китти цеплялась за простую задачу: пережить эту минуту. Она смотрела под ноги, потом решила, что так у нее слишком виноватый вид, и вздернула подбородок. «Выше голову, прими наказание и иди дальше!» – твердила она себе, стараясь подавить слезы.

Вспышки слепили, пришлось снова опустить взгляд. Путь тянется бесконечно, она словно бы разучилась ходить, это какое-то сложное механическое движение, каждый шаг дается с усилием. Ставим одну ногу перед другой, левую руку выносим вперед одновременно с правой стопой, только так, не иначе. Ни в коем случае не улыбаться, но и подавленной выглядеть нельзя, нельзя выглядеть виноватой. Ее же снимают, это навсегда, эти кадры будут сегодня снова и снова прокручивать по разным каналам, они навеки поселятся в архиве, и такие же, как она сама, ретивые репортеры при случае вновь откопают эти улики, – она знала, она сама всю жизнь занималась тем же самым. Нельзя показаться равнодушной, нельзя смотреть виновато. Не все телезрители прислушиваются к комментарию, но все смотрят картинки. Нужно придать себе вид человека невиноватого, но сожалеющего о допущенной ошибке. Да-да, она опечалена. Сохранить гордость, достоинство, когда внутри пустота, а все эти люди столпились вокруг и орут прямо ей в лицо. Сторонники Колина Мерфи быстро покинули зал и вышли на улицу, спеша дать интервью журналистам и добить команду «Тридцати минут». Они выкри-

кивали оскорбления, репортерам приходилось повышать голос, чтобы их комментарий расслышали поверх этих воплей. Проезжавшие мимо автомобили притормаживали, высматривая, чем тут так заинтересовалась пресса. Пресса прессует. Навалилась, давит, выжимает сок, выжимает последние силы, все отняли у нее репортеры, верные своему призванию, прессу-прессе. Так вот что она сделала с Колином Мерфи, думала Китти, а ее толкали со всех сторон, пристраивались сбоку, что-то говорили. Ставить одну ногу перед другой – вот и все, что она могла. Выше голову, не улыбайся, не плачь, не спотыкайся – иди!

Наконец они нырнули в офис своего адвоката поблизости от здания суда, ушли от репортеров. Китти уронила сумку на пол, прижалась лбом к холодной стене, попыталась сделать глубокий вдох.

– Господи! – вырвалось у нее. Все тело горело огнем.

– Ты как? – посочувствовал Донал.

– Ужасно, – шепнула она в ответ. – Мне так жаль, мне так жаль, так жаль!

Он ласково похлопал ее по плечу, и Китти порадовалась даже такому участию, хотя сама напросилась, а по совести, Донал мог бы ох как ей врезать.

– Это просто курам на смех! – орал в соседнем кабинете Пол, расхаживая перед столом адвоката. – Четыреста тысяч евро плюс судебные издержки. ВЫ говорили, ничего подобного не произойдет.

– Я говорил, что *надеюсь...*

– Не смейте вилять! – рявкнул Пол. – Омерзительно! Как они могли так обойтись с нами? Мы же извинились. Публично. Перед началом передачи восьмого февраля. Четыреста пятьдесят тысяч зрителей видели: мы извинились, признали, что он ни в чем не виноват. *Миллионы* видели это по Интернету, десятки миллионов посмотрят после сегодняшнего суда. Пари держу, нас подставили. Эти две бабы, они с Колином Мерфи сговорились, часть денег достанется им. Это бы меня не удивило. Меня уже ничем не удивишь. Господи! Четыреста тысяч! Что я скажу гендиректору?

Китти оторвала лоб от прохладной стены коридора, подошла к распахнутой двери в кабинет адвоката.

– Мы сами виноваты, Пол.

В повисшей тишине Китти услышала, как резко втянул в себя воздух Донал. Пол обернулся и посмотрел на нее как на пустое место. Да Китти и чувствовала себя пустым местом, – меньше чем пустым местом.

– Мы сломали Колину Мерфи жизнь. Мы заслужили каждое слово, которое нам пришлось выслушать в суде. Мы допустили ужасный промах и должны сполна расплатиться за свои поступки.

– Мы? За свои поступки? Ну уж нет! Твои поступки! Ты сломала ему жизнь. Я виноват лишь в том, что, как последний идиот, доверился тебе. Думал, ты делаешь свою работу на совесть, все проверяешь. Я знал, что не следует и близко

подпускать тебя к этому сюжету. И уж поверь, канал в жизни тебя больше не наймет. Слышишь, Китти? Ты понятия не имеешь, как собирать материал! – разорвался он.

Китти кивнула, двинулась к двери.

– Пока, Донал, – негромко попрощалась она.

Донал кивнул. Китти вышла из здания через заднюю дверь.

Домой возвращаться она боялась по двум причинам. Во-первых, не знала, успокоились ли сторонники потерпевшего теперь, когда Колин восторжествовал и получил также финансовую компенсацию, или же решение суда подстрекнет к новым нападениям на ее квартиру. Во-вторых, Китти боялась оставаться одна. Она ни на что не могла решиться, не могла больше думать о том, что произошло и как быть дальше, но вместе с тем чувствовала, как неправильно уходить от этих мыслей. Наказание заслужено, пусть же стыд полностью поглотит ее. В переулке позади судебной площади она отыскала свой велосипед и поехала к дому Констанс. Может, Пол и прав, она не умеет собирать материал, но по крайней мере она знает человека, великолепно владеющего журналистским мастерством, и, если понадобится, начнет учиться заново.

Констанс и Боб жили на первом этаже трехэтажного эдвардианского особняка в Болсбридже, над ними располагалась редакция. Квартира со временем превратилась в продолжение офиса, они четверть века не столько жили в ней,

сколько работали. Заброшенная кухня – питались они в кафе – погребена под сувенирами, накопленными в бесчисленных поездках. На любой поверхности резные статуэтки из кости соседствовали с блаженными буддами и голыми дамочками из венецианского стекла, венецианские же и африканские маски были нацеплены на морды старых плюшевых мишек, на стенах китайские гравюры и написанные красками пейзажи соседствовали с сатирическим комиксом по вкусу Боба. Здесь все дышало ими, у этого дома была душа, он был веселый, он был живой. Двадцать пять лет проработала здесь и Тереза, их домработница, ей уже за семьдесят. Делать она почти ничего не делала – смахнет пыль и усядется смотреть шоу Джереми Кайла, – но Констанс мало заботила чистота, и она никак не могла расстаться со старушкой. С Китти домработница была давно знакома, так что впустила ее в квартиру без расспросов и поскорее вернулась с кружечкой чая в свое кресло, смотреть, как мужчина и женщина ссорятся после теста на детекторе лжи, который не устроил ни того ни другого. Как хорошо, что Тереза не смотрит новости и понятия не имеет о ее бедах. С ее стороны – никаких приставаний. Без помех Китти прошла в кабинет Констанс и Боба.

Их столы стояли у противоположных стен, оба завалены кучами бумажных обрывков – с виду мусор, на самом же деле драгоценная работа. Над столом Констанс красовались фотографии обнаженных француженок тридцатых годов в вызывающих позах – повесила их на радость Бобу, а тот в

ответ расположил над своим столом обнаженных африканцев – для нее. Пол использовался наравне со столами, толстыми персидскими коврами ложились друг на друга слои бумаг, приходилось смотреть под ноги, чтоб не споткнуться о внезапно возникавшую на пути груды. Наравне с предметами искусства, занимавшими весь дом и в том числе кабинет, здесь на полу обитали фарфоровые кошки во всевозможных умильных позах. Констанс – это Китти было известно – не терпела кошек, что живых, что сувенирных, но они принадлежали ее матери, и после ее смерти Констанс не могла не приютить фарфоровое зверье. Странно, как можно работать в таком беспорядке, но ведь Констанс и Боб трудились, да еще как успешно! В свое время юная Констанс назло богатому папочке уехала из Парижа в Дублин – изучать британскую литературу в Тринити-колледже. Там она издавала студенческую газету, потом вела колонку сплетен в «Айриш таймс» и познакомилась с Бобом – с Робертом Макдональдом, десятью годами ее старше, корреспондентом рубрики деловых новостей той же газеты. Когда ей наскучило подчиняться, а у Констанс это случается быстро, она еще больше обидела папочку, бросив приличную работу в крупнейшей ирландской газете и затеяв собственное издание. Боб присоединился к ней, и после ряда проб и ошибок они создали двенадцать лет тому назад журнал «Etcetera», оказавшийся наиболее успешным из их проектов. Пусть «Etcetera» уступал в популярности женским журналам, писавшим о борьбе

с целлюлитом и подготовкой тела к пляжному сезону, но в профессиональной среде мало кого так уважали. Написать статью для «Etcetera» считалось честью, серьезным шагом вверх по карьерной лестнице. Констанс славилась прямоотой суждений и безошибочным умением распознать интересный сюжет и потенциальный талант. В ее журнале начинали многие сделавшие с тех пор себе имя журналисты.

Китти подошла к каталогу и поразились тому, как разумно наладила эту систему Констанс. Здесь, в отличие от всех других помещений квартиры, царил безупречный порядок: каждая статья из «Etcetera» и других принадлежавших Констанс в прошлом журналов, статьи, написанные ею для других изданий, заготовки и идеи как из прошлого, так и на будущее, аккуратно размещались на карточках по алфавиту. Не совладав с любопытством (оно в ней умрет последним), Китти просматривала и все то, что встречалось ей на пути к «И». Но вот и простой коричневый конверт с надписью «Имена». Конверт был запечатан, и, хотя Китти понимала, как некрасиво нарушать уговор с Констанс, она поддавалась искушению и присела за рабочий стол подружки, чтобы вскрыть конверт. Но тут в дверях появилась Тереза, и Китти подскочила на месте, словно школьница, пойманная с сигаретой во рту. Конверт она с перепугу уронила на стол, и сама засмеялась над собой.

– Вы с ней виделись? – спросила Тереза.

– Да, на прошлой неделе. На этой не смогла, дела одоле-

ли, – добавила Китти, сокрушаясь, что из-за суда снова не выбралась к Констанс. Могла бы и постараться, но с каждым заседанием силы ее убывали, она думала только о себе, жалела себя, по правде говоря, также и оправдывала себя внутренне, отчего становилась несколько агрессивной. Неподходящее состояние для того, чтобы навещать больную.

– Вид у нее, наверное, ужасный.

Вот как на такое реагировать?

– Мой Фрэнк помер от рака. В легких у него завелся. По две пачки в день курил, а все-таки несправедливо это, что с ним сделалось. Ему было столько же, сколько сейчас Констанс. Пятьдесят четыре годика. – Тереза сокрушенно почмокала губами и добавила: – Знаете, а я ведь уже почти столько же прожила без него, сколько с ним. – Она покачала головой и сменила тему: – Хотите чаю? Немножко отдаст металлом, они в чайнике монеты хранили, вроде как в копилке. Боб велел мне снести их в банк – семьдесят шесть евро и двадцать пять центов набралось.

Китти посмеялась над причудами Макдональдов, а от металлического чая отказалась. Она чуть не лопалась от восторга – и конверт раздобыла, и от искушения вскрыть его без Констанс упаслась – и торопилась поскорее дозвониться Бобу и договориться о встрече в больнице. Три ее звонка были переадресованы на голосовую почту, и Китти, истомившись от ожидания, уже катила на велосипеде в больницу, на авось, когда ее телефон вдруг завибрировал. Она заговорила

в микрофон:

– Привет, Боб, я уже еду, надеюсь, ты не против. Везу конверт, про который говорила Констанс. Не могу дождаться!

– Не получится, – ответил Боб, и даже среди окружавшего Китти со всех сторон грохота транспорта она расслышала, какой измученный у него голос: – Она... ей стало хуже.

Китти резко остановилась, мчавшийся за ней велосипедист чуть не сшиб ее и грубо выругался. Она поднялась вместе с велосипедом на тротуар, освободив дорожку для проезда.

– Что произошло?

– Я не хотел тебе говорить, у тебя и без того неделя чудовищная, и я еще надеялся на улучшение, но она... с тех пор как ты ее навестила, ей поплохело. Стала бредить, последние два дня и меня уже не узнавала, не понимала, где находится, начались галлюцинации, она все время с кем-то разговаривала по-французски. А сегодня... сегодня она впала в кому, Китти! – Голос Боба надломился.

– Хочешь, я приеду туда, побуду с тобой? – спросила Китти, разрываясь между страхом перед больницей, больничными запахами и вполне искренним желанием оказаться рядом с Бобом, подле Констанс.

– Нет-нет. У тебя дела. Я справлюсь.

– Нет никаких дел, Боб. Кончились дела. Кончились, понимаешь? Я хочу быть с вами. Ты позволишь?

Она отключила телефон и погнала так, словно от этого

зависела ее жизнь. Отчасти так оно и было.

«Привет, Стив, это я. Я тут думала насчет нашего последнего разговора и хотела кое-что тебе сказать. Эти твои антонимы в рифму: «Круть или муть». «Круть» – от «крутой», крутые ребята переиначивают словцо, чтобы вышло еще круче. Но это, из жаргона сёрферов, может, и устарело. Потом, «Клёво – хреново» или «Клёво – уёво», как теперь говорят. А больше всего мне нравится – и тебя тоже устроит, ведь это напоминает о футболе: «Гол или пшёл!» Это я сама придумала, надеюсь, твоему редактору что-нибудь подойдет и я не опоздала со своими предложениями. Ну что ж, ты, видимо, отлучился или сидишь и слушаешь все это и думаешь, что я напилась или еще что... Не знаю, что ты там думаешь. Ладно, заткнулась. Да, еще одно: Констанс скончалась. Сегодня. И... боже, прости, что я реву в твой автоответчик, но... Не знаю, что делать. Не знаю. Спасибо, что все выслушал. Пока».

Глава четвертая

Хотя в последние месяцы Китти почти не бывала у Констанс, она знала, что Констанс здесь, рядом. Все меняется, когда человек умирает. Тогда его отсутствие начинаешь ощущать каждый день, каждую минуту. Приходит в голову какой-то вопрос, и хочется позвонить и получить ответ; или же Китти вспоминала забавную историю, которой хотела бы поделиться с Констанс, еще мучительнее – незаконченный разговор, который надо бы завершить, какие-то недоумения, которые никогда уже не разрешатся. Теперь, когда Констанс не стало, она была ей нужнее прежнего, и терзала совесть: следовало чаще навещать в больницу, да и прежде, когда подруга была жива и здорова, отчего было не позвонить ей лишний раз? Мало ли куда она могла бы пригласить Констанс, провести вместе вечерок! Сколько часов потрачено зря, не отдано дружбе. Но в конце концов Китти убедила себя, что, начни они все сначала, они бы прожили эти годы именно так, как прожили, а не иначе. Констанс ничуть не больше Китти стремилась бросить все дела и общаться с ней.

Но теперь, лишившись работы, которая поглощала ее с головой, оставшись без бойфренда, отвлекавшего ее от проблем и возвращавшего красоту и радость жизни, не имея поблизости родных, тем более родных, готовых понять ее, простить и поддержать, Китти сполна ощутила свое оди-

ночество. Ей оставалось одно лишь убежище – редакция «Etcetera». Там она вновь могла ощутить присутствие Констанс, ведь Констанс была душой этого издания. Констанс основала этот журнал, вложила в него свои убеждения, вдохновляла каждый его выпуск, и, взяв в руки свежий номер, Китти почувствовала, что ее подруга все еще с ней. Наверное, подумала она, так близкие смотрят на ребенка умершего человека и видят знакомые черты, жесты, даже пустяковые привычки – продолжение того, кого уже нет.

Редакция размещалась на двух этажах над квартирой Боба и Констанс в Болсбридже. Войдя в офис, Китти ощутила ту самую муку утраты, от которой бежала. Боль ледяным шквалом ударила в лицо, на миг стало трудно дышать, глаза наполнились слезами.

– Да-да, – сказала Ребекка, арт-директор, увидев, что Китти застыла на пороге. – Такое не только с тобой творится. – Она подошла и ласково обняла Китти, помогла ей снять плащ и стронуться с места. – Пошли, все сидят у Пита, мозговой штурм.

«У Пита!» Уже не у Констанс – и Китти сразу же возненавидела Пита, словно он сговорился с богом уничтожить, а потом предать забвению ее любимую подругу. Пит был ответственным редактором и во время болезни Констанс взял на себя ее обязанности, а Черил Данн, амбициозная девица практически одних лет с Китти, временно заняла должность зама, поскольку Боб несколько последних месяцев не отлу-

чался от жены. При этих двоих, Пите и Черил, все пошло не так. У них свой ритм, свои правила, и хотя члены редакции сумели поймать этот ритм, Китти так и не приспособилась.

Девять месяцев прошло с тех пор, как Констанс передала руководство журналом в чужие руки, полгода – с тех пор, как она в последний раз переступила порог редакции. За это время Китти успела написать сколько-то текстов, и все – отнюдь не из лучших. Не из лучших для Китти, так-то они соответствовали общим требованиям, иначе Пит отказался бы их публиковать, и Констанс, которая до последнего вдоха следила за всем, что творилось в журнале, вытащила бы Китти в больницу, хоть та вопи и лягайся, и вправила бы ей мозги. В этом деле Констанс равных не было. Она билась за свой журнал, но столь же яростно билась за то, чтобы каждый сотрудник реализовал свой потенциал. Не делать по максимуму того, что можешь и умеешь, – смертный грех в ее глазах.

Зная все это, Китти, проводив Констанс в последний путь, вернулась к себе домой не зализывать раны, но посыпать их солью, то есть перелистывать свои статьи, вникая, что же она делала не так, прикидывая, как двигаться дальше, в чем ее сила и в чем слабость. Перечитав тексты, написанные в последние шесть месяцев, она сразу увидела, чего в них недостает: искры. Не хотелось в таком признаваться, и вслух, перед кем угодно, Китти стала бы это яростно отрицать, но вот очевидность: она перестала живописать, она работала прилежно и механически, раскрашивая части рисунка по номе-

рам. Ее тексты оставались информативными, эмоциональными, увлекательными, в них имелись шарм и стиль, они соответствовали основному правилу – раскрывать известную тему в новом ракурсе (для ежемесячного журнала самое главное – собственный взгляд на уже прозвучавшие сенсации), и все же во рту оставался привкус, словно от несвежей еды. После катастрофы, постигшей ее в «Тридцати минутах», Китти понимала, что ничто из написанного не будет радовать ее, как радовало прежде, и, возможно, чувство удовлетворения уже никогда не вернется. Она знала, что придирается к себе, выискивает изъяны и не обращает внимания на то, за что заслуживает похвалы, что ее смущает каждое ее слово и каждый поступок, но, даже оставляя за скобками самокритику, писать она правда стала намного хуже.

Обожаемые Констанс мозговые штурмы нравились в редакции не всем. Для Китти это был восторг и упоение, но она знала, что, хотя Пит и Черил уважали установленные Констанс правила, им бы скорее покончить с общим обсуждением и сбежать из офиса, чтобы обратиться к собственным источникам вдохновения: будут пролистывать другие журналы и газеты, шарить в Интернете, смотреть круглосуточные программы новостей в поисках чего-то свежего, модного, горячего. Констанс всегда призывала искать ответы в себе, и Китти была с ней полностью согласна. Загляните себе в душу, говорила Констанс: что волнует вас сегодня, какой вызов стоит перед вами, какие проблемы актуальны – не где-то в

мире, но здесь, в вашем сердце, в вашем уме. Для таких, как Пит и Черил, это шаманские заклинания, а Констанс верила, что настоящий сюжет приходит изнутри. Она хотела, чтобы ее сотрудники писали не на продажу, а в первую очередь для самих себя – только тогда, по ее убеждению, журнал находит отклик у читателей. Ей мало было информативности и чистоты стиля, она старалась в каждом журналисте пробудить талант. Каждый материал Констанс проговаривала с тем человеком, которому его заказывала, – она всегда знала, кому подойдет тот или иной сюжет, для кого станет интересным вызовом, – и Констанс умела выслушать чужие идеи. Так, в диалоге, решалось, как будет подана статья. И Констанс не уставала повторять: «Прислушайтесь к чужим идеям!»

Вот оно! Наконец-то Китти поняла, в чем загвоздка. В материалах, написанных Китти для «Etcetera» за последние полгода, не брезжит ни единой оригинальной идеи. Все сюжеты подсказаны Питом, Черил, кем-то из коллег, кому своего материала хватало и некогда было братья еще и за это. Китти не замечала, как это происходит, и нисколько по этому поводу не беспокоилась, – не замечала и не протестовала, потому что всю работала на «Тридцать минут», а там она занималась только тем материалом, который ей предлагали сверху. Методы телевизионной работы отразились и на ее манере писать. На телеканале снимали сюжеты, которые никак лично не задевали Китти, она даже не пыталась поглубже зарыться в них, не хватало времени: то вдруг самое

подходящее освещение, срочно снимать, то вдруг свет ушел, отсняли, но часть времени у них срезали, потому что другой сюжет показался более выигрышным, то дают интервью, то не дают интервью, надо чем-то заполнить образовавшуюся лауну, и Китти непрерывно включалась и выключалась, словно кран в ванной. Ей такой стиль работы не шел впрок, целыми днями трудились ноги, а не голова. За шесть месяцев ни одна свежая идея не посетила ее мозг, и когда Китти это поняла, так перепугалась, что с неделю вообще ни о чем не могла думать, сколько бы ни тужилась. Теперь-то она знала, что пыталась объяснить ей Констанс во время последнего разговора в больнице: Констанс упрекнула Китти в том, что она пишет по заказу, а не выбирает сюжеты по собственному разумению и вкусу. Тогда Китти подумала, что речь идет о том провале в «Тридцати минутах», но, может быть, Констанс имела в виду и статьи для «Etcetera»? Да, конечно же, Констанс переживала за свой журнал.

Китти поплелась в конференц-зал, примыкавший к кабинету Констанс. Пережитое унижение было свежо в ее памяти, в голове никаких оригинальных идей, и там ее не ждут Боб и Констанс, не от кого ждать поддержки. Бездна одиночества. Хотя в отсутствие Констанс такие собрания проводились ежемесячно, пока она была жива, она могла отменить любое решение, а теперь Пит главенствует, Боб все еще не вернулся на работу – впервые заседание проходит при таком раскладе. Китти отворила дверь, и все глаза уставив-

лись на нее.

– Привет.

– Китти, – не слишком приветливо заговорил Пит, – мы тебя сегодня не ждали. Боб сказал, что отпустил тебя на неделю.

Судя по его тону, он рад бы и две недели ее не видеть. Или у нее уже паранойя?

– Отпустил, – подтвердила Китти, пробираясь в задний ряд – больше сесть было негде. – Но больше всего мне хотелось быть здесь. – Она поймала на себе чей-то сочувственный взгляд.

– Ладно. О'кей. Мы обсуждаем ближайший выпуск. Он будет посвящен памяти Констанс.

К глазам подступили слезы.

– О, как прекрасно!

– Итак! – Пит громко хлопнул в ладоши, Китти подскочила от неожиданности. – Идеи. Предлагаю отвести от восьми до двенадцати страниц жизненному пути Констанс: о чем она писала в разные годы для «Etcetera» и для других изданий. Крупнейшие сенсации, открытые ею авторы. Хорошо бы дать интервью с Томом Салливаном, как она помогла ему обрести свой голос и укрепить талант. Дара, ты возьмешь интервью у Тома, я поговорил с ним на похоронах, он дал согласие. Ниав, ты расскажешь о других писателях, живущих и умерших: как она открыла их, что они написали, что писали с тех пор, и так далее.

Сара, Дара и Ниав кивали и делали пометки.

Пит продолжал распределять материалы, а в Китти нарастало ощущение: все идет вкривь и вкось. Констанс взбесилась бы от такого выпуска, и не только потому, что он целиком вращался вокруг нее, но потому, что под новым соусом подавался старый материал. Китти оглядела собравшихся, пытаюсь угадать их реакцию, но все сосредоточенно, торопливо забивали в ноутбуки распоряжения Пита. Именно распоряжения – ни поощрения, ни внимания к другим, ни малейшей попытки узнать, что же думают сотрудники. Пит не просил их поделиться личными воспоминаниями, рассказать о той женщине, которую все они так почитали, – нет, он жестко выдавал информацию и навязывал всем собственные идеи. Конечно, даже это Питу давалось нелегко, это Китти понимала, к тому же у нее своих мыслей не имелось, так что она прикусила язык.

– Так, с этим разобрались, теперь остальные разделы. Пол, как подвигается статья о китайцах в Южной Африке?

Начали обсуждать остальные рубрики. С приношением памяти Констанс покончено. Этого Китти не стерпела.

– Послушай, Пит!

Он молча глянул в ее сторону.

– Я не знаю, но все это как-то... не ново, а? – Рискованно бросать такой упрек людям, уже взявшимся за дело. Вокруг зацокали языками, заерзали на стульях. – Я насчет этой мемориальной части. Констанс терпеть не могла возвращаться

к старым темам.

– Если б ты слушала внимательно, Китти, убедилась бы: мы отнюдь не собираемся перепечатывать старье. А оглядываться на прошлое необходимо, в этом вся суть мемориального раздела.

– Конечно-конечно, – заторопилась Китти, ей вовсе не хотелось еще и тут нажать себе врагов. – Но Констанс в таких случаях говорила: это все равно что снова пользоваться использованной туалетной бумагой. – Китти попыталась засмеяться, но никто не засмеялся в ответ. – Она бы не захотела, чтобы мы оглядывались и вспоминали, она бы потребовала чего-то нового. Смотреть вперед, сделать что-то настоящее в ее честь.

– Например? – уточнил Пит, и Китти беспомощно смолкла.

– Не знаю.

Послышались раздраженные вздохи.

– Китти, эти двенадцать страниц мы посвящаем памяти Констанс. Полагаю, в журнале хватит места и для новых сюжетов. – Пит старался проявить терпение, но интонация у него была – отец дурынды-дочери сдерживается из последних сил. – Так что если у тебя не имеется конкретных идей, я предлагаю продолжить обсуждение.

Китти напряженно и долго думала, чувствуя, как все глядят на нее. Она не могла ничего придумать, она думала только о том, что не в состоянии ничего придумать. Она уже пол-

года как разучилась думать, и прямо сейчас рассчитывать не на что. Вот уже коллеги отводят глаза, им неловко, им жалко ее, но Пит держит паузу, доказывая свое: раз Китти ничего не предлагает, значит, все ее выступление – глупость. Что же он не продолжает заседание? Пусть бы продолжал распределять задачи. Щеки вспыхнули, Китти опустила глаза, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. А казалось, ниже падать некуда.

– Не знаю, – выдавила она из себя.

Пит наконец вернулся к обсуждению, но Китти не могла разобрать ни слова. Она подвела Констанс, не говоря уж о том, как она подвела саму себя, хотя к этому она уже почти привыкла, поболит – перестанет. Важнее другое: чего бы хотела Констанс? Окажись она сейчас в этой комнате, каким сюжетом она бы решила заняться? И, задав себе этот вопрос, Китти нашла ответ.

– Придумала! – вскрикнула она, перебив отчет Сары о том, как продвигается статья о причинах повышенного спроса на контрастный лак для ногтей в пору мировой войны на фоне снижения объемов продаж помады.

– Китти, сейчас говорила Сара.

И все поглядели на нее с осуждением.

Китти съжилась на стуле, чуть ли не сползла под стол. После Сары Пит предоставил слово Тревору. Еще два круга дискуссии, ничем из этого Пит, скорее всего, не воспользуется. И вот он снова обратился к Китти:

– Когда мы с Констанс говорили в последний раз, она упомянула идею, которую хотела обсудить с тобой. Не знаю, успела ли. Это было всего неделю назад.

Неделю назад Констанс жила, дышала.

– Нет. Со мной она уже больше месяца не связывалась.

– Ясно. Так вот, она собиралась обсудить с тобой такую идею – обратиться к старым писателям с вопросом: будь у них возможность заняться тем, о чем они всегда хотели написать, что бы они выбрали?

Пит оглядел сотрудников, убедился, что все заинтересовались.

– К таким авторам, как Ойсин О’Келли и Оливия Уоллес, – уточнила Китти.

– Ойсину восемьдесят, он живет на Аранских островах и за последние десять лет не написал ни строчки, а на английском языке ни строчки вот уже лет двадцать.

– Констанс упомянула именно их.

– Ты уверена?

– Да, – повторила Китти, и щеки вновь вспыхнули: с какой стати ее переспрашивают?

– И в чем суть: мы берем интервью о сюжете, на который они хотели бы написать рассказ, или просим их написать этот рассказ?

– Сперва она сказала, чтобы я взяла у них интервью...

– Сказала, чтобы *ты* взяла интервью? – переспросил Пит.

– Да. – Китти помедлила, не вполне понимая, почему он

ее перебил. – Но потом она предложила попросить этих авторов написать те рассказы, которые они всегда хотели написать.

– Получить эксклюзив?

– Наверное, да.

– Писатели такого калибра обходятся недешево.

– Наверное, ради памяти Констанс они согласятся поработать и даром. Возможность написать то, о чем всю жизнь хотел написать, – сама по себе награда. Это же счастье.

Пит все еще сомневался:

– С чего начался этот разговор?

Все в недоумении переводили взгляды с Пита на Китти.

– А что? – удивилась она.

– Пытаюсь уловить связь между этой идеей и нашей задачей – увековечить память Констанс.

– Это был один из ее последних нереализованных проектов.

– Но ее ли это проект? Или твой?

Всем стало неловко, заскрипели стулья.

– Ты подозреваешь, что я пытаюсь запихнуть в мемориальный раздел собственный проект? – Ей хотелось, чтобы голос ее гремел, подавляя Пита, стирая его в порошок, но Китти сама услышала, какой у нее жалкий, слабый голосок, словно она готова признать свою неправоту, словно и впрямь еще и в этом виновата.

– Давайте на этом закончим и разойдемся по своим ме-

стам! – прервала напряженную паузу Черил.

Все поспешно вышли, торопясь убраться подальше от неприятностей. Пит поднялся и остался стоять в торце стола, опираясь на него обеими руками, подавшись всем телом вперед. Осталась, к досаде Китти, и Черил.

– Китти, я не хочу давить на тебя, но нужно убедиться в том, что это действительно исходит от Констанс. Понимаю, что ты знала ее ближе, чем все остальные в редакции, но сейчас ты упомянула разговор, в котором никто, кроме вас двоих, не участвовал, и я хочу убедиться в том, что Констанс действительно хотела осуществить этот проект.

Китти с трудом сглотнула, ее охватило сомнение. Только что она отчетливо помнила весь разговор, теперь же растерялась.

– Я не могу утверждать, что она *действительно* хотела осуществить этот проект, Пит.

– Полно, Китти! – сердито рассмеялся он. – Определись наконец.

– Могу сказать одно: я попросила Констанс рассказать, о чем она всегда хотела написать, но так и не написала. Ей понравился вопрос, она сказала, что это хорошая идея, что мне следует обратиться к писателям, которые уже закончили свою карьеру, и расспросить их, о чем им всегда хотелось написать, а еще лучше – попросить их осуществить свой замысел. Она обещала поговорить с тобой об этом.

– Со мной она не говорила.

Пауза.

– Идея-то хорошая, Пит, – негромко произнесла Черил, и теперь уже Китти была рада тому, что Черил осталась в конференц-зале.

Пит постукивал карандашом по столу, размышляя.

– Тебе она об этом рассказывала?

– Нет.

Он так ей и не поверил. Китти снова сглотнула.

– Она велела мне найти в ее офисе конверт, принести ей в больницу, и тогда она расскажет, о чем ей всегда хотелось написать, но, когда я вернулась в больницу, было уже поздно. – Глаза Китти наполнились слезами, она опустила взгляд. Проявят милосердие? Не тут-то было.

– Ты вскрыла конверт? – спросил Пит.

– Нет.

И снова он ей не поверил.

– Я не заглядывала в конверт! – повторила Китти уже гневно.

– Где этот конверт?

– У Боба.

Пит снова задумался.

– Что ты решил? – спросила Черил.

– Думаю, это будет отличный материал и дань памяти, если мы получим ту историю, которую Констанс хотела написать, и соединим ее с рассказами других авторов. Если Боб отдаст нам этот конверт, ты можешь этим заняться, – доба-

вил Пит, обращаясь к Черил.

Китти рассвирепела: почему он взял и отдал это Черил?

– Возможно, Боб сам захочет написать, – напомнила она.

– За ним право первого выбора.

– Конверт у меня, – послышался из примыкавшего к залу кабинета голос Боба.

– Боб! – Пит резко выпрямился. – Не знал, что ты на работе.

Боб вышел к ним, выглядел он усталым.

– Я не собирался приходить, но понял, что больше всего мне бы хотелось быть здесь. – Он слово в слово повторил реплику, с которой Китти вошла в зал, а значит, он с самого начала находился в кабинете и слышал все их споры. – Я решил поискать кое-что у Констанс в кабинете, ее телефонную книжку – бог знает, куда она ее задевала, – так что я слышал разговор о том, чтобы написать то, что она хотела написать. – С улыбкой Боб добавил: – Замечательная идея! Молодец, Пит!

– Возьмешься за это? – спросил Пит.

– Нет-нет. Я за нее не смогу.

– А что за сюжет? – поинтересовался Пит.

– Не знаю, – пожал плечами Боб. – Конверт запечатан, его никто не открывал.

Что, съели? Китти едва сдержала порыв подпрыгнуть и помахать в воздухе кулаками: Боб подтвердил ее правоту.

– Ладно. – Пит глянул на Черил, довольный собой, утвер-

дившись в намерении подкинуть интересную тему своей со-
труднице, но Боб, зная его намерения, поспешил вмешаться:

– Пусть напишет Китти.

На лицах Пита и Черил выразилось изумление.

– Ей эта тема ближе, – мягко пояснил он, чтобы не обидеть

Черил: Боб всегда отличался деликатностью.

Черил постаралась принять это с достоинством.

– Да ведь ты не знаешь, что внутри! – заспорил Пит, от-
стаивая своего фаворита.

– Не знаю. И все же, – повторил Боб и вручил конверт

Китти.

Все с нетерпением уставились на нее. Китти вскрыла кон-
верт и заглянула внутрь. Там лежал один-единственный ли-
сток. Она его вытряхнула и увидела список из ста имен.

Глава пятая

1. Сара Макгоуэн
2. Эмброуз Нолан
3. Эва Ву
4. Ендрек Высотски
5. Бартл Фолкнер
6. Бриджет Мерфи
7. тМэри-Роуз Годфри
8. Бернадетта Туми
9. Реймонд Косгрейв
10. Олив Берн
11. Марион Бреннан
12. Хулио Кинтеро
13. Морин Рэббит
14. Патрик Куинн
15. Глория Фланнери
16. Сьюзен Флад
17. Киран Кидд
18. Энтони Кершо
19. Дженис О'Мира
20. Энджела О'Нил
21. Юджин Каллан
22. Эвлин Маар
23. Барри Миган

24. Эйден Трейнор
25. Шеймас Тулли
26. Даяна Зуков
27. Бин Ян
28. Габриэла Зат
29. Барбара Томлин
30. Бенджамин Толанд
31. Энтони Спенсер
32. Эйден Соммервиль
33. Патрик Лейхи
34. Сирил Ли
35. Дадли Фостер
36. Джозефина Фаулер
37. Колетта Бэрроуз
38. Энн Киммидж
39. Дермот Мерфи
40. Шарон Викерс
41. Джордж Уоллес
42. Майкл О'Фейгэн
43. Лайза Дуайэр
44. Дэнни Флэннери
45. Карен Флад
46. Мойра О'Мюриган
47. Барри О'Ши
48. Фрэнк О'Рурк
49. Клэр Шэнли

50. Кевин Шарки
51. Кармела Рейли
52. Рассел Тодд
53. Хизер Спенсер
54. Ингрид Смит
55. Кен Ширан
56. Маргарет Маккарти
57. Дженет Мартин
58. Джон О'Ши
59. Кэтрин Шеппард
60. Магдалена Людвичак
61. Деклан Кейо
62. Шивон Кеннеди
63. Патрик Коглин
64. Дэнис Макколи
65. Найджел Мини
66. Томас Мастерсон
67. Арчи Гамильтон
68. Дамьен Рафферти
69. Йэн Шеридан
70. Гордон Фелан
71. Мари Перрем
72. Эмма Пирс
73. Эйлин Фоли
74. Лайам Грин
75. Ифа Грэм

76. Шинейд Хеннеси
77. Эндрю Перкинс
78. Патрисия Шелли
79. Питер О'Кэррол
80. Шон Магуайр
81. Майкл Шейлс
82. Алан Уолдрон
83. Кармела Вагнер
84. Джонатан Триси
85. Ли Рихилл
86. Порик Ноутон
87. Бен Глисон
88. Дарлин Гочоко
89. Десмонд Хэнд
90. Джим Даффи
91. Морис Лукас
92. Дэнис Макбрайд
93. Джос Мерриган
94. Фрэнк Джонс
95. Гвен Мегарри
96. Вида Тонасао
97. Алан Шэнахен
98. Орла Фоли
99. Саймон Фицджеральд
100. Катрина Муни

Никакой приписки, ни слова пояснения – что за люди, в чем заключается сюжет. Китти пошарила на дне конверта, но больше ничего не нашла.

– Что это? – переминался с ноги на ногу Пит.

– Список имен, – в растерянности ответила Китти.

Имена были напечатаны и пронумерованы – слева от каждого стояли числа от одного до ста.

– Знакомые имена? – спросил Пит, вытягиваясь всем телом так, что чуть ли не пополз по столу.

Китти покачала головой. Снова провал.

– Может, кто-то из вас знает?

Она опустила листок на стол, и эти трое набросились на него, как три льва на убоину. Развернули страничку в центре стола, перед Питом, сгрудились вокруг нее. Китти следила за выражением их лиц, ожидая, что у кого-то в глазах мелькнет узнавание, и когда все трое подняли головы с таким же недоумением, как и она сама, Китти рухнула на стул, чувствуя одновременно и растерянность, и облегчение. Рассчитывала ли Констанс на то, что Китти узнает эти имена? Был ли у них какой-то разговор об этом? В чем тайная суть послания?

– Что еще есть в конверте? – спросил Пит.

– Больше ничего.

– Дай сюда.

Опять перепроверяет, и Китти вновь усомнилась в себе, хотя дважды заглядывала в конверт. Убедившись, что больше из него ничего не извлечешь, Пит бросил конверт на стол.

Китти подхватила его, прижала к себе, словно Пит обидел живое существо.

– Она вела заметки? – Пит уже обращался к Бобу. – В тетради или в компьютере? Наверное, что-нибудь обнаружится у нее в кабинете.

– Если что-то есть, надо искать в квартире, – пробормотал Боб, глядя на список имен. – Господи, Констанс, что ты на этот раз затеяла?

Китти невольно рассмеялась. Констанс потирала бы руки, увидев их в таких позах: столпились вокруг стола, чешут в затылках, а уж при мысли, что загадку им задала она сама, Констанс и вовсе бы зашла в веселье.

– Что тут смешного, Китти? – возмутился Пит. – Нам не сделать мемориальный раздел из рассказов писателей, если мы не получим рассказ самой Констанс.

– Да почему же? – удивилась она. – Ведь эти рассказы и есть последний проект Констанс.

– И все же я бы предпочел включить в этот раздел ее сюжет, – упрямылся Пит, – а все остальные будут привязаны к нему. Без ее сюжета не думаю, что удастся реализовать эту идею.

– Но ее сюжет – всего лишь список имен, – пробормотала Китти. Ей стало не по себе. Весь раздел, посвященный памяти Констанс, состоится или не состоится в зависимости от того, сумеет ли она разгадать эту загадку. Но ведь времени мало, и момент в жизни самой Китти самый что ни на есть

неудачный. Ни вдохновения, ни веры в себя. – Здесь нет ни намека на то, что Констанс собиралась делать с этим, почему ее это заинтересовало.

– В таком случае пусть этим займется Черил! – Пит выждал момент и застал всех врасплох. – Она сообразит, что к чему. – Он захлопнул папку и выпрямился.

– Прошу прощения, но я все же предпочитаю поручить это Китти, – сказал Боб.

– Она только что заявила, что не справится.

– Ее нужно немного подбодрить, Пит, – потверже сказал Боб. – Задача-то непростая.

– Отлично! – кивнул Пит. – У нас две недели до сдачи в печать. Китти, держи меня в курсе того, как продвигается дело. Я бы хотел получать отчет ежедневно.

– Ежедневно? – удивленно переспросила она.

– Ага. – Он собрал свое имущество и двинулся в кабинет Констанс – в *свой* кабинет.

Ежедневно отчитываться перед Питом! Увольнение с телеканала, ежедневные покушения на ее жилище, разрыв с бойфрендом, судебный приговор... Теперь Китти понимала, что это было только начало, что последствия того промаха ей еще расхлебывать и расхлебывать.

Китти с трудом заставила себя сесть за стол Констанс в ее домашнем кабинете, руки она держала высоко на весу, как под дулом пистолета, страшась к чему-либо прикоснуться,

нарушить беспорядок, в котором Констанс хранила свои бумаги, – стронь хоть что-то, и оно никогда уже не вернется на свое место, ведь хозяйки этих вещей больше нет на свете и она не скажет, где что должно находиться. На прошлой неделе Китти сидела в этой же самой комнате, и ей здесь было хорошо, но сейчас она чувствовала себя чуть ли не воровкой. Боб дал ей карт-бланш, пусть лезет куда захочет, читает все, на что взгляд упадет. Прежняя Китти, та, которая делила с Констанс ее журналистскую жизнь и не сидела на скамье подсудимых за профессиональную безответственность, – та Китти ухватилась бы за подобную возможность прочесть все подряд и отнюдь не ограничилась бы тем, что имеет отношение к ее журналистскому расследованию. Но теперь все было иначе.

Весь день она усердно и безуспешно копалась в каталоге в поисках каких-нибудь бумаг, связанных с тем списком из ста имен. Бессмысленная и утомительная работа, ведь Китти понятия не имела, по какому принципу подобраны имена, а значит, не представляла себе, с какой другой рубрикой они могли оказаться связаны. Все имена она пробила по Интернету и не нашла ничего полезного, все тропинки заводили в тупик. Под вечер второго дня, после малоприятной беседы с Питом – успехов, о которых она могла бы доложить, не предвиделось, – Китти вернулась домой и в очередной раз наткнулась на грубую проделку: перед входной дверью кто-то развесил покрашенную в красный цвет туалетную бумагу,

словно ограждение места преступления.

В постель Китти отправилась в состоянии полной безнадежности (еще и в туалете засор, не стоило пихать туда всю бумагу разом), но проснулась почему-то бодрой, с верой в свою удачу. Новый день – новые поиски. Она справится. Это ее шанс вернуться в профессию, сделать так, чтобы Констанс могла ею гордиться. Засыпая, она подумала: мы не знаем, кто эти люди в списке, а как ищут человека, если известно лишь имя, и больше ничего? И вот с утра, даже не одеваясь, Китти схватила телефонный справочник и в трусах уселась за рабочий стол. Она заранее сняла несколько копий со списка, чтобы не повредить оригинал, – его она вернула в кабинет Констанс. На своем рабочем экземпляре Китти успела записать какие-то мысли, вопросы, нарисовать мультяшек и просто завитушки, так что теперь она взяла новую ксерокопию, чистый блокнот, телефонный справочник, налила себе кофе – растворимый, Глен забрал и кофемолку, и кофе в зернах, – сделала глубокий вдох, приготовилась. В этот момент в двери заскрежетал ключ, и перед Китти внезапно предстал Глен. Инстинктивно она прикрыла руками грудь, сдвинула ноги, потом еще и раскрыла телефонный справочник и заслонилась им, чувствуя себя беспомощной и уязвимой.

– Извини! – Глен примерз к порогу, ключ в руке, глаза вытаращены. – Думал, ты на работе.

– Что ты уставился на меня?

– Извини. – Он сморгнул, отвел взгляд, потом и вовсе спи-

ной повернулся. – Мне уйти?

– Поздновато спохватился! – рявкнула она и направилась к платяному шкафу.

– Опять завелась, – буркнул Глен, моментально забыв о вежливости. Дверь захлопнулась, по пятам за Китти он тоже вошел в спальню.

– Я не одета.

– Знаешь, Китти, я все это видел, и меня это несколько не возбуждает. – Не глядя на нее, он принялся рыться в ящиках с ее бельем.

– Что ты ищешь?

– Не твое дело!

– Как не мое? Это моя квартира.

– Я заплатил половину аренды за этот месяц, так что юридически она пока еще также и моя.

– Лучше скажи, что ищешь, и я помогу, – предложила Китти, глядя, как он копается в вещах. – Я бы предпочла, чтобы ты не ворошил мои трусики.

Он извлек свои часы со дна ее бельевого ящика и тут же нацепил их на запястье.

– Давно они тут лежат?

– Всегда тут лежали.

– А!

Чего еще она знать о нем не знала? Вот о чем думали в этот момент они оба: как многого они не знали друг о друге. Они помолчали с минуту, потом Глен вновь закружил по

комнате, спасибо, уже не столь агрессивно, собирая в черный мешок для мусора ботинки, диски, еще какую-то ерунду, которую забыл при переезде. Смотреть на это у Китти не было сил, она вернулась за кухонный стол.

– Спасибо, что предупредил о своих намерениях, – не удержалась она, когда Глен перешел в кухню. Господи боже, этот тип и кухонные перчатки с собой прихватил – кухонные перчатки! – Очень любезно с твоей стороны.

– Ты знала, что я вот-вот съеду.

– Откуда мне было знать?

– Сколько мы с тобой ссорились, Китти? Сколько раз я пытался объяснить тебе, как я к этому отношусь? Тебе мало этих ссор, хотелось еще?

– Нет, конечно.

– Вот видишь!

– Но я надеялась, что все обернется иначе.

Он словно бы удивился:

– Мне казалось, у нас все плохо, Китти. Ты говорила, что тебе плохо.

– У меня был плохой *период*. Я не думала, что... впрочем, теперь это не имеет никакого значения, верно? – Негодуя на себя, она услышала в последнем, вопросительном слове надежду. Вдруг Глен скажет, что имеет значение, еще как имеет, еще не поздно все исправить... Но вместо этих слов повисло долгое молчание.

– Почему ты не на работе?

– Сегодня я работаю дома.

– Тебя и из журнала уволили? – недоверчиво спросил он.

– Нет! – резко ответила Китти. Хватит с нее подозрительных вопросов, предоставьте ей самой сомневаться в себе, другим она этого не позволит. – Никто меня не увольнял. Тебя это, может быть, удивит, но некоторые люди по-прежнему верят в меня. – Что было не совсем правдой, учитывая, как обходился с ней Пит.

Глен вздохнул и направился к двери, закинув мешок для мусора на плечо. Китти уткнулась в телефонный справочник, взгляд скакал с фамилии на фамилию, сосредоточиться при Глене не получалось.

– Мне очень жаль Констанс.

Чувства нахлынули, Китти не сумела вымолвить ни слова.

– Я присутствовал на похоронах – может, ты не заметила.

– Салли сказала мне. – Китти вытерла слезы, сердясь на себя: сколько можно реветь.

– Ты справишься?

Она закрыла руками лицо. Невыносимо: он мнетя в дверях, когда она плачет, – раньше бы Глен поспешил утешить ее. Она плакала о том, что было у них раньше, она оплакивала Констанс, она горевала обо всем, что обрушилось на нее в эти месяцы.

– Уходи! – еле выговорила она.

И дверь захлопнулась.

Утерев глаза, Китти вновь принялась за дело. Первое имя в списке. Сара Макгоуэн. Открыла справочник на странице с Макгоуэнами. Больше ста человек, восемьдесят супружеских пар, двадцать С. Макгоуэн, восемь Сар, – значит, если это окажутся не те Сары и на букву «С» тоже не те, обзвонив этих двадцать восемь Макгоуэнов, придется взяться за супругов.

Первая Сара. Трубку сразу же подняли.

– Здравствуйте, могу я поговорить с Сарой Макгоуэн?

– Это я.

– Меня зовут Кэтрин Логан, я представляю журнал «Etcetera».

Китти сделала паузу, выжидая: вдруг название журнала знакомо ее собеседнице.

– Я не стану участвовать в опросах. Извините.

– Нет-нет, это не опрос. Я звоню по поручению нашего главного редактора, Констанс Дюбуа. Кажется, она разговаривала с вами по поводу статьи.

Нет, не разговаривала. Ни с этой Сарой, ни с семьей другими. Еще две «С. Макгоуэн» не взяли трубку, а двум Китти оставила сообщение на автоответчике. Тогда она взялась за другой столбец в списке в надежде, что Сара обозначена как миссис Макгоуэн. Десять звонков без ответа – сделала пометку перезвонить вечером, – потом восемь миссис Макгоуэн, но среди них не было Сары, на девятый раз Сара Макгоуэн обнаружилась, однако трех месяцев от роду, уж никак

не героиня сюжета. Оставались еще десятки Макгоуэнов и девяносто девять фамилий в списке, и по сотне, а то и более абонентов на каждую фамилию, – разве что проявить сообразительность и начать с самых редких имен. Да, так и надо поступить. И все же – десять тысяч телефонных звонков? Нет, Китти и с этим справилась бы, ей никакая, самая рутинная часть журналистского расследования не казалась скучной, но на десять тысяч звонков не хватит ни денег, ни времени. Вот в чем загвоздка.

Китти отказалась от мысли работать дома и к ланчу вернулась в редакцию. Все с головой ушли в работу, спешили закончить к сроку раздел, посвященный Констанс, писали новые статьи для следующего выпуска.

Из кабинета Пита вышла Ребекка, арт-директор, скорчила гримасу:

– Он нынче не в настроении. Желаю удачи, она тебе понадобится.

За столом Китти сидела какая-то женщина. Обычное дело, авторы-фрилансеры то и дело навевались в редакцию, присаживались за свободный стол решить какой-то вопрос. Китти остановилась посреди комнаты, высматривая незанятый стол – ничего не нашла, – а телефон свободный имеется? В этот момент Пит выглянул из кабинета и пригласил ее к себе.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Ищу свободный стол. Мне нужно сделать миллион звон-

ков. Ты не мог бы предоставить мне телефон на сегодня? А кто эта дама за моим столом?

– Ты что-то нащупала?

– Я хочу обзвонить людей из списка и узнать, говорила ли с ними Констанс. Так кто сидит за моим столом?

– А где ты нашла их телефоны?

– В справочнике, – призналась Китти, стараясь не показать, что сама понимает, насколько глупа ее затея.

– Вот так, в лоб?

– Ага.

– Сколько человек в списке, напомни, пожалуйста?

– Ровно сто. Кто сидит за моим столом?

– Сто? Господи, Китти, это же понадобится вечность, пока всех обзовишь.

– Я уже почти всех Макгоуэнов проверила, это первое имя в списке.

– И как? Что-нибудь вытянула?

– Пока пусто.

Пит нервно уставился на нее.

– Макгоуэн, Пит! Их у нас почти столько же, сколько Смитов. Я уже почти сто звонков сделала. А что ты предлагаешь, Пит? Нет другого пути. Сначала я всех погуглила, нашла Арчи Гамильтонов – клоуна для детских праздников, биржевого брокера из «Дэви», Арчи, умершего десять лет назад, и Арчи, вот уже пять лет сидящего за вооруженное ограбление. Как я угадаю, который из них?

Пит вздохнул:

– Послушай, в редакции тебе работать негде.

– Это еще почему? – Она выразительно оглянулась через окошко в двери на свой стол.

– Это Лора Маллиген. Я поручил ей подготовить твою рубрику для ближайшего номера. Звонили из «Братьев Кокс» и еще кое-кто из ключевых рекламодателей. Они сомневаются, размещать ли и впредь у нас рекламу.

– Почему?

Молчание.

– О! Из-за меня.

– Они давно уже подвергаются давлению, но теперь, когда приговор вынесен, понимают, что не могут и впредь оказывать поддержку нашему журналу, если мы оставим тебя безнаказанной.

– Но ведь меня уволили с канала. Какое отношение эта история имеет к «Etcetera»?

– Кто-то не дает рекламодателям покоя.

– Фанаты Колина Мерфи, – пробормотала она. – Ни перед чем не остановятся, только бы меня уничтожить.

– Мы не можем утверждать наверное, что это они, – вяло, без малейшей убежденности возразил Пит. Он провел рукой по волосам, таким пышным, идеальным, что потревоженные пряди тут же опускались на место, словно в рекламе «Хэд энд Шолдерс». Впервые Китти заметила, что ее начальник, пожалуй, даже красив.

– Значит, и ты решил меня отстранить.

– Нет. Я всего лишь прошу тебя не работать в редакции ближайшие три недели, пока я веду переговоры.

– Но как же с историей Констанс?

Пит устало потер глаза.

– Вот почему ты не хотел поручать ее мне! Поэтому ты обратился к Черил?

– Китти, у меня связаны руки. Это наш главный рекламодатель. Рвать с ними – самоубийство, я не могу этого допустить.

– Боб в курсе?

– Нет, и к нему ты с этим не пойдешь. Ему и без того несладко, потому-то мы с Черил и лезем из кожи вон.

– Я должна работать над этим сюжетом, – сказала Китти. У нее больше ничего не осталось в жизни, она изо всех сил цеплялась за это.

– Если рекламодатели настоят на своем, мы не сможем опубликовать материал под твоим именем. – Голос его тоже звучал устало. – Не вижу выхода.

Сейчас Пит казался Китти даже привлекательным. Похож на человека, а не на бульдога, как обычно.

– Я думала отныне подписываться Китти Логан, а не Кэтрин. Все равно меня так никто не называет, только мама. – Китти сглотнула. «Кэтрин Логан» – это имя сделалось жупелом, ей неловко было произносить его вслух, неловко представляться так Макгоуэнам, которых она обзванивала,

она панически опасалась узнавания, их реакции и того, что из вежливости не произнесут вслух, но подумают. Она стыдилась собственного имени. Теперь она будет «Китти», начнет все заново.

Пит с жалостью смотрел на нее.

– Или еще лучше. – Она отмахнулась от его сочувствия и просветлела, ей пришла в голову отличная идея. – Пусть стоит имя Констанс. Это будет ее последняя публикация.

– Это невозможно, Китти. Нельзя поставить ее имя под твоей статьей. – Он удивился, но был, пожалуй, даже тронут ее готовностью опубликовать плоды собственного нелегкого труда анонимно. Это его смягчило. – Мы что-нибудь придумаем. Ты, главное, работай. Можешь заниматься этим дома?

– Не могу... Столько звонков мне не по карману.

Пит вздохнул, склонился над столом, уперся в него руками. На спине заиграли мускулы, и Китти вдруг – вот уж сюрприз! – ощутила влечение, желание помассировать его широкие плечи, прогнать скованность.

– Ладно, – тихо произнес Пит. – Звони из дома, счет передашь нам.

– Спасибо.

– Только придумай что-нибудь попроще, чем обзванивать весь справочник.

– Да, конечно.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, Китти заметила на скворечнике перед домом надпись «ДЛЯ РЕКЛАМЫ».

Каталоги и глянцевоы брошюры лезли через край. Ей припомнилось, как Глен прятал часы под ее бельем. Где только не хранили свои вещи Боб и Констанс – наверняка в самом неожиданном уголке квартиры отыщется и ключ к этой истории. С этой мыслью она постучалась в дверь.

Открыла Тереза.

– Он прилег, дорогуша.

– Я хочу поработать в кабинете Констанс. И мне нужна ваша помощь: нужно найти телефонный справочник.

Тереза расхохоталась:

– Могу только пожелать вам удачи. Телефон я вчера нашла в ванной, в корзине для белья. Боб сказал, он слишком громко звонит.

Они прошлись по квартире.

– Монеты в заварке, реклама в скворечнике, паспорта в тостере, – а куда же Констанс могла засунуть телефонный справочник?

– Например, в туалет, попку им подтирала, – высказалась Тереза и ушаркала в кухню, откуда доносилось завывание стиральной машины. Хорошо хоть Тереза расширила круг своих обязанностей и не только пыль вытирает, но и приглядывает за Бобом.

Предоставленная самой себе, Китти принялась осматривать дом в поисках телефонного справочника. Начала она с тех мест, куда кладут такие вещи нормальные люди, потом принялась изобретать самые невероятные варианты. Улег-

лась на пол в кабинете, на выношенный половик из овечьей шерсти, совершенно неуместный рядом с персидским ковром, и присмотрелась к низкому журнальному столику с телефоном. Сама не зная зачем, заглянула под стол – и вот они! Стол держали не обычные ножки, его деревянная столешница покоилась на четырех стопках телефонных книг и «Желтых страниц», по пять справочников в стопке, все подряд за последние десять лет. Китти рассмеялась от радости, и Тереза прибежала посмотреть, что же она такое нашла. При виде того, как гостя снимает деревянную доску с книжных подпорок, Тереза закатила глаза под лоб, но тоже не сдержала улыбки и с тем убрела обратно в кухню. Китти пролистала справочник за текущий год, но в нем ничего не нашла и взялась за предыдущий. Открыла его на Макгоуэнах, эта фамилия врезалась ей в память, и едва Китти глянула на страницу, как чуть не подпрыгнула в восторге: один номер был обведен розовым фломастером. Она пролистала до другого имени, Эмброуз Нолан, и – ура, оно тоже отмечено фломастером! Вытащив из файла список имен, Китти принялась проверять одно имя за другим, и каждому нашлось в справочнике соответствие с яркой цветной меткой. Наконец-то к ней вернулась удача! Китти взмахнула в восторге рукой и случайно задела лампу. Лампа закачалась, из-под нее выпала маленькая записная книжка в красном переплете – та самая, которую Боб тщетно разыскивал. Китти вновь засмеялась, прижала к себе справочник, задрала голову, обращаясь

с благодарностью к небесам.

– Спасибо тебе! – прошептала она.

Глава шестая

Теперь у Китти было все: имена, адреса, телефоны. Все сто человек проживали в Ирландии, так что поиски ограничивались одной страной. Она так близко подобралась к своему сюжету – к сюжету, оставленному ей Констанс, – что уже чувствовала запах свеженапечатанной журнальной страницы. Но странно: дедлайн через десять дней, нужно обзвонить сто человек, а она почему-то медлит. Перелистывает страницы телефонного справочника в поисках некоего имени, которого вовсе и нет в списке.

На автобусе номер 123 Китти доехала до О'Коннелл-стрит, оттуда на 140-м добралась до Фингласа. Дорога заняла час, и все это время Китти перебирала в уме, что же надо сказать, однако так и не придумала. Она стояла напротив дома Колина Мерфи, отделенная от него только маленьким парком, вокруг гоняли, чуть не сшибая ее с ног, юные велосипедисты – они как будто не замечали ее. Вот бы ей и вправду стать незаметной, перенестись куда-нибудь. Улицы забиты народом, мамы куда-то ведут детей, у всех свои повседневные дела, и никому нет дела до чужой тетки. Пока нет. Вот-вот кто-нибудь из детей обратит внимание и предупредит маму, что там, в парке, торчит кто-то незнакомый. Весь парк – лужайка длиной в сто шагов, поперек, от входа до выхода, широкая дорожка, ограда взрослому челове-

ку по колено. Ничем она не укрыта, от дома Колина Мерфи ее отделяет лишь это небольшое расстояние да собственный страх. Китти всматривалась в лица соседей Колина, пытаясь угадать, кто из них присутствовал на заседаниях суда и не они ли освистывали ее и орали ей вслед, не они ли украшали ее дверь надписями и туалетной бумагой, пока она спала в своей студии или отлучалась на работу? Быть может, они все время тайно следят за ней, как она сейчас следит за ними? Надвинув шляпу ниже на глаза, она поглядывала в сторону дома Мерфи, решаясь, идти ли туда, и если идти, то какие же подобрать слова.

Простите. Простите, что испортила вам жизнь. Простите за то, что вас отстранили от работы, подвергли остракизму соседи. Простите, что вам пришлось – не знаю в точности почему, но, очевидно, это опять-таки связано с моей передачей, – выставить дом на продажу. Простите за то, как это отразилось на вашей семейной жизни. Простите, что чуть не сделала вас безработным. Простите за позор, который я навлекла на ваших близких, за порушенные отношения. Конечно, вы думаете, будто я ничего не понимаю, – бессердечная тварь, которой попросту не дано понимать такие вещи, – но я понимаю, поверьте, я все понимаю, потому что теперь все это случилось со мной, я сама прохожу через то, через что заставила пройти вас. Вот какие слова просились ей на уста, но Китти догадывалась, что в такой речи слишком очевидно звучит жалость к себе, а следовало отрешиться от се-

бя. Не получалось, слишком уж крепко ей досталось из-за допущенного промаха. Да, изначально это была ее вина, но в итоге пострадали оба, а теперь те, кто любил Колина и отстаивал его, изо всех сил старались продлить ее страдания.

Она всмотрелась в дом – у крыльца табличка «Продается», детей не видать, никаких признаков их существования, ни велосипедов в саду, ни игрушек на подоконниках. На подъездной дорожке автомобиль – этот автомобиль принадлежал Колину, Китти хорошо помнила, как нагнала его после школьных занятий и сунула водителю камеру в лицо, каким растерянным и испуганным он тогда выглядел. Она сочла его преступником, она была так в этом уверена, а теперь корчится от стыда, припоминая каждое брошенное ему в глаза обвинение. Автомобиль на подъездной дорожке – не означает ли это, что Колин пока еще не вернулся на работу? Она-то думала, его примут обратно теперь, когда он полностью, безусловно, оправдан. Неужели скандал не позволил ему возвратиться?

Простите. Простите!

Колину тридцать восемь лет. Закончив в двадцать четыре года университет, он сразу же устроился на работу в среднюю школу Фингласа, где учатся ребята с двенадцати до восемнадцати лет. Любимчик учеников – что его и сгубило – всегда получал приглашение на выпускной вечер. Еще бы, приветливый молодой учитель, которого и учителем-то не считали, ведь он не задавал домашних заданий, и единственное нака-

вание, которое грозило нерадивым, – отжиматься, распевая при этом популярные песенки. Ребята обращались к нему со своими проблемами, его неоднократно назначали классным руководителем, что необычно для учителя физкультуры, во всяком случае в этом учебном заведении. Шестнадцатилетняя Таня О’Брайан заигрывала с ним, он ее отверг – и расплатился десять лет спустя! Черт знает почему Таня возложила на физрука ответственность за все свои несчастья и подговорила бывшую одноклассницу Оливию О’Нил поддержать ее лживые показания. Давно уже выяснилось, что Оливия в самом деле верила, будто над Таней учинили насилие и ее девятилетний сын родился от Колина. Она с готовностью согласилась на лжесвидетельство, понадеявшись, что две схожие истории прозвучат убедительнее, чем одна, – хотела поддержать подругу, а также рассчитывала на материальную компенсацию за причиненный ущерб. И журналы подхватят этот рассказ, их покажут по телевидению с историей о том, как они пострадали. Таня привела в пример известные дела о соращении несовершеннолетних – да, на этом кошмаре можно было заработать. Две молодые женщины – одна подлая, другая скучающая и не отличающая добра от зла, наметили себе жертвой третью – честолюбивую. Китти тоже была молода, из кожи вон лезла, делая карьеру. Они угадали: она так и вцепилась в этот сюжет. Проглотила их вранье и пришла за добавкой, убедила редактора и продюсера поручить ей расследование, убедила себя в том, что, вы-

нося эту грязь на всеобщее обозрение, разоблачая извращенца, она служит обществу.

Дверь дома распахнулась, вышел Колин. Смотрит себе под ноги – таким Китти запомнила его и в суде, – подбородок уперся в грудь. У Китти сильно забилося сердце, она поняла, не справится. Развернулась и быстро зашагала прочь, надвинув шляпу на глаза, чувствуя, что вновь без спросу вторглась в чужую жизнь.

На сообщения, оставленные на автоответчике, никто не откликнулся. По одним номерам трубку вовсе не брали, по другим отзывались родственники, обещали передать, но не было уверенности в том, что передадут, к тому же телефонный звонок – штука ненадежная, собеседник в любой момент может отключиться, и все больше людей ставят определитель номера и не берут трубку, если номер им незнаком или не определяется. Китти решила, что разбираться с сюжетом нужно, не обзванивая сто имен, а побеседовав с каждым из списка лично.

В первый день личных встреч она отправилась в Лукан, к Саре Макгоуэн. Дом из красного кирпича, построенный в семидесятые, выглядел как приют пенсионеров. Квартира на первом этаже. Открылась дверь – не парадная, а рядом с ней, ведущая на балконную лестницу, – и вышла женщина лет двадцати с небольшим в форме медсестры.

– Вы Сара Макгоуэн?

Девушка оглядела Китти с ног до головы. Обдумала ответ.

– Она переехала полгода тому назад.

Китти не сумела скрыть огорчения.

– Тут нет работы, – пожала плечами сестра. – Это-то я понимаю, а вот почему она не предупредила меня за три месяца, как договаривались...

– Куда она переехала? – со вновь вспыхнувшей надеждой спросила Китти.

– В Австралию.

– В Австралию?

– Кажется, в Викторию. Во всяком случае, поначалу. У нее там друзья работают на арбузной ферме. Будет тоже собирать арбузы. – Девушка закатила глаза.

– Звучит недурно, – сказала Китти. Ей бы сейчас отправиться на край света собирать арбузы – чем не выход?

– В самый раз для дипломированного бухгалтера, – откликнулась медсестра.

Да уж.

– А ее адрес у вас есть?

Девушка покачала головой:

– Мы не так близко дружили. Она оставила на почте адрес до востребования, ее добро я продала на интернет-аукционе – хоть какие-то деньги, она и так меня подвела.

– Никого из ее родных или друзей не знаете?

Девушка ответила выразительным взглядом.

– Большое спасибо за помощь. – Китти повернулась, что-

бы уйти, зная, что больше ничего не добьется.

– Эй, а вы та самая?

Китти замерла:

– В каком смысле «та самая»?

– С телевидения. Из «Тридцати минут».

Помедлила, но деваться некуда:

– Да, это я.

– Вы мне на автоответчике сообщение оставили.

– Ну да, оставила.

– Передачу я не смотрю, но знаю, что вас вызвали в суд.

Дежурная улыбка сползла с лица Китти.

Девушка всерьез призадумалась:

– Сара хорошая. Я тут насчет нее ворчала, но она порядочная девушка. Не вздумайте сочинять гадости про нее.

– Я и не собиралась. – Китти глубоко вздохнула и пошла прочь из тихого спального квартала. Наверное, ей все же пора менять имя и называть себя «Китти».

В автобусе по пути к следующему человеку из списка она делала пометки, стараясь отвлечься, забыть реплику, прозвучавшую под конец разговора с медсестрой.

Версия сюжета: Эмигранты. Связано с рецессией?

Хотелось бы надеяться, что нет: про кризис столько уже было написано, СМИ пресытились этой темой, и если только

не обнаружился какой-то уникальный материал, Констанс не стала бы с этим связываться.

Глядя в окно автобуса, Китти прикидывала дальнейшие действия. Сперва она собиралась опрашивать людей в том порядке, в каком Констанс занесла их в свой список, но машины у Китти не было, гонять вот так, по многу часов, замерзнешь, и потому она решила начать с дублинских адресов. Таким образом, вторым в тот день оказался шестой человек из списка – Бриджет Мерфи.

Дом ленточной застройки номер 42 ничем не отличался от прочих отделанных каменной крошкой домов, которые вытянулись в одну линию с ним, напротив него или закручивались улиткой вокруг этого участка. Разнообразия ради кое-кто из хозяев покрасил фасад, но, увы, соседи не договорились между собой, и лимонный оттенок сталкивался с апельсиновым, густо-зеленый – с мятным, нежно-розовый резко переходил в коричневу неокрашенной каменной крошки. Номер 42 обозначался сувенирной наклейкой со смайликом на мусорке у ворот, на подъездной дорожке валялись детские велосипеды и игрушки, машины нигде не видно, ни внутри, ни снаружи. Было полшестого – вечерний час, когда люди возвращаются с работы. У соседней двери на кухонном стуле сидела старуха, грелась на закатном солнышке. Из-под не слишком длинной юбки виднелись толстые колготки на плотно забинтованных ногах и клетчатые шлепанцы. Старуха внимательно следила за приближением Китти и, встретив-

шись с ней взглядом, кивнула.

Китти позвонила в дверь Бриджет Мерфи и спустилась с крыльца.

– Обедают, – сообщила ей соседка.

Сумев привлечь ее интерес, старуха продолжала:

– Карри из курицы. Каждый четверг его едят. У меня им весь дом провонял. – Она сморщила нос.

– Вы, значит, не любительница куриного карри, – рассмеялась Китти.

– Уж ее-то мне точно не по вкусу, – сказала старуха и даже отвернулась, как будто сам вид соседского дома оскорблял ее вкус. – Они ваш звонок не услышат, слишком сами шумят.

Это верно: даже с того места, на котором Китти стояла, казалось, будто целая армия детишек орет, роняет ножи, кокает стаканы. Однако звонить второй раз она стеснялась, не хотела беспокоить людей во время семейного ужина, тем более на глазах у этой старухи.

– Я бы на вашем месте еще раз позвонила, – словно подслушав ее мысли, сказала соседка.

Спасибо за совет. Китти еще раз нажала на кнопку.

– Вы к кому вообще? К хозяину или к хозяйке? Если к нему, так его нет дома, раньше семи не возвращается. Банкир. – И она снова сморщила нос.

– Я хотела поговорить с Бриджет.

Старуха нахмурилась:

– С Бриджет Мерфи?

Китти заглянула в блокнот. Хотя она давно выучила список наизусть, теперь она перепроверяла все по двадцать раз и все равно боялась ошибиться.

– Бриджет здесь больше не живет, – произнесла старуха как раз в тот момент, когда дверь распахнулась и перед растерянной Китти предстала запыхавшаяся мать семейства.

– Добрый день, – поздоровалась Китти.

– Чем могу помочь?

– Я надеялась... я ищу Бриджет Мерфи, но только что узнала, что она уехала. Это правда?

– Уехала, – повторила старуха. – Я же вам сказала. Я говорила ей, Мэри.

– Это правда, – ответила хозяйка дома, не обращая внимания на соседку.

– Вот видите!

– Не знаете, как мне ее найти?

– Я с Бриджет незнакома. Мы купили этот дом в прошлом году. Наверное, Агнес сможет вам помочь.

Китти извинилась за причиненное беспокойство, дверь захлопнулась, изнутри послышался энергичный вопль Мэри, призывающей свое семейство заткнуться. Китти обратилась к Агнес. Ясное дело, та знает все обо всех жителях квартала. Мечта журналиста. Китти прикинула, не перебраться ли к Агнес через ограду между домами – всего-то по колено, – однако старуха могла этого не одобрить, поэтому Китти чинно вернулась по дорожке к воротам, затем вошла в соседнюю

калитку и приблизилась к Агнес.

Та с удивлением покосилась на нее:

– Чего попросту через стенку не перелезли?

– Вы знаете, где теперь живет Бриджет?

– Мы сорок лет прожили дверь в дверь. Замечательная женщина! А ее дети выросли эгоистами, никудышниками. Послушать их разговоры – голубая кровь, не иначе. Не так их воспитывали, скажу я вам. Она всего-навсего упала, – сердито продолжала старуха. – Споткнулась. Всякий может упасть, что тут такого? Но нет, бедняжку Бриджет тут же отправили в дом престарелых: ее выводу не терпелось продать дом и потратить денежки на горные лыжи. – Она что-то забормотала себе под нос, сердито шевеля губами, причмокивая вставной челюстью.

– А в каком она доме для престарелых?

– Сент-Маргарет, Олдтаун! – все так же сердито сказала Агнес.

– Вы ее навещали?

– Я? Нет. Я дальше лавочки в конце квартала не добирюсь, а потом еще надо сообразить, как вернуться обратно. – Она одышливо рассмеялась, смех перешел в кашель.

– Как вы думаете, она не откажется поговорить со мной?

Наконец-то старуха присмотрелась к ней:

– А ваше лицо мне знакомо.

– Да, – подтвердила Китти, не испытывая при этом ни малейшей гордости.

– Вы вели передачу о чае.

– Верно! – просияла Китти.

– Я пью «Бэрри», – сообщила Агнес. – Как моя мама, а прежде – ее мать.

– Хороший выбор, – с серьезным видом ответила Китти.

Агнес прищурилась, соображая:

– Передайте ей от меня: Агнес говорит, с вами можно иметь дело. Скажите, что я хочу знать, как она. Сколько лет мы с ней прожили рядом... – Ее взгляд отдалился, ушел в прошлое. – Скажите ей: я пока еще тут.

Китти уже дошла до ворот, когда дверь первого дома распахнулась и вылетело четверо малышей, точно ими из пушки выстрелили, – за ними, отдавая на ходу приказы, поспешала мать.

Агнес крикнула Китти вслед:

– И передайте ей, что они вырубili ее розовые кусты. Все уничтожили.

Мэри испепелила соседку гневным взглядом, а Китти, усмехаясь, помахала ей рукой. По пути к следующему месту назначения она подписала под двумя именами – Сара Макгоуэн и Бриджет Мерфи, – которые она отработала:

Версия сюжета: люди, которые вынуждены были переехать?

Такую тему она вполне способна прочувствовать. Это,

можно сказать, ее история. Ее и Колина Мерфи.

Глава седьмая

Автобусы в Олдтаун ходили так редко, что пришлось взять такси, но водитель был родом с другого конца графства, о чем он не устал напоминать, и они трижды останавливались и просили у прохожих и проезжих подсказки, а проселочные дорожки словно становились все уже и запутаннее. В глубине сельской местности они разыскали наконец дом престарелых Сент-Маргарет, небольшой домик, построенный в семидесятых, а затем окруженный множеством пристроек, чтобы вместить новых обитателей. Оранжевая справа от дома, некогда обращенная окнами к солнечному югу, теперь была переоборудована в столовую, а слева до самого забора тянулась веранда с кушетками и креслами. Ухоженный сад, на каждом шагу скамейки, по стенам здания – подвесные горшки с цветами. Если доведется вновь увидеться с Агнес, можно будет ее порадовать: Бриджет устроена в хорошем месте. Было уже семь часов вечера, через полчаса время посещения заканчивалось, и Китти про себя молилась – только бы Бриджет не отказалась ее принять, ведь за весь день ей так и не удалось поговорить ни с одним человеком из списка.

У стойки регистратуры Китти назвала имя Бриджет Мерфи и осталась стоять, пока строгая на вид медсестра с суровым пучком волос проверяла список посетителей. Как объ-

яснить ей, почему явилась незваной, как разругать ситуацию? Китти неловко топталась на месте, справа от нее за распахнутой дверью гостинной кто-то беседовал с близкими, многие играли в шахматы. Посреди комнаты женщина средних лет с дредами заставляла троих стариков – один с ходунками, другой со слуховыми аппаратами в обоих ушах – играть в «море волнуется».

– Нет, Уолли! – расхохоталась она. – Нет, я сказала: «Замри!»

Старик с наушниками остановился в растерянности.

– Садись, ты выбыл из игры. Выбыл из игры! – еще громче прокричала она. Бросив двух других стариков – они так и застыли, заложив руки за голову, – она высунулась за порог и окликнула: – Молли! – При этом она внимательно, словно соперницу, оглядывала с ног до головы Китти. – Куда Берди подевалась?

– Прилегла, – скужающим голосом ответила молодая сестра с синими волосами и синими ногтями в тон, не отрывая глаз от чьей-то медицинской карты.

– Загляну к ней? – предложила тетка с дредами. – Я принесла карты ангелов, про которые ей рассказывала.

Молли оглянулась на Китти, изогнула бровь, словно намекая: «Потому-то она и поспешила прилечь».

Тетка с дредами расстроилась, точно маленькая девочка, с которой не играют.

– Пойду, – вздохнула Молли, – гляну, как она. Может,

выйдет в гостиную.

Чтобы не простаивать, тетка с дредами тут же обернулась и заговорила с тем из стариков, кто оказался ближе других:

– Сет, прочесть тебе стихотворение, которое я написала на этой неделе?

Сет вроде бы не слишком обрадовался, но тетка, не дожидаясь ответа, уселась и начала декламировать, точно на утреннике в детском саду.

Китти смотрела вслед Молли: та прошла по коридору, остановилась у двери туалета, прислонилась к стене, изучая свои ногти. Китти невольно усмехнулась. Досчитав до десяти, она вернулась и сообщила той, с дредами:

– Она заснула.

– Сету пора менять батарейки в слуховом аппарате, – сказала ей сестра, все еще не пропускавшая Китти.

Молли покосилась на тетку с дредами, упоенно читавшую свой стих, и предложила:

– Погодим немного менять батарейки.

Эта девушка все больше нравилась Китти.

– Простите, как, вы сказали, ваше имя? – Пухлая, но суровая с виду медсестра оторвалась наконец от журнала посетителей.

– Кэ... – Она запнулась, не в силах выговорить осточертевшее имя, под которым выступала до сих пор. – Китти Логан.

– И вы договорились о встрече с Бриджет?

– Нет, не договаривалась. Заглянула наудачу, – как можно убедительнее выговорила она, хотя кто потащится в такую глушь на авось? Пожалуй, и крылатую ракету не запрограммируешь, чтобы она долетела до Сент-Маргарет.

– У нас разрешены визиты только по предварительной договоренности! – отрезала сестра, захлопнув журнал, и Китти поняла: с ней будет нелегко совладать.

– Но вот она я, приехала издалека. Не могли бы вы сказать Бриджет, что я здесь, и спросить, не согласится ли она встретиться со мной? Передайте ей: Агнес сказала, что со мной можно иметь дело, – всю улыбалась Китти.

– Это против правил. Боюсь, если Бренда согласится, вам все равно придется приехать в другой раз.

– Бриджет. Я приехала к Бриджет Мерфи. – Китти едва сдерживалась. За весь день не встретила ни с кем из списка, время стремительно утекает, а с ним и терпение, и она не уйдет отсюда, не повидавшись с Бриджет. Без драки ее отсюда не выгатают, и ей плевать, с кем драться, но охотнее всего она бы вмазала этой бой-бабе, которая не желает ее впустить.

– Ну! – Бой-баба уперлась руками в широкие бедра и устала на Китти так, словно и она была не прочь подраться.

– Бернадетта, – вмешалась синеволосяя, – я с этим разберусь, а ты займись Сетом, он тебя больше любит.

Бернадетта глянула на коллегу, недовольная, что помешали расправе, но все же уступила, ощерилась напоследок в сторону Китти и пошла выручать Сета.

– Идите за мной, – пригласила Молли, развернулась и пошла в дальнюю часть пристройки.

Замечательно! Ее выставят с черного хода, не удостоив даже парадного. Но, выйдя в пышно разросшийся сад, Молли дружелюбно заговорила:

– Не обращайтесь внимания, Бернадетта раньше служила в армии, а нынешней своей службой не удовлетворена. А что до Берди, она всегда прячется в часы посещения. Та хип-пушка всех достает, но Берди особенно. Имела б я право – перекрыла бы ей кислород. Делать ей нечего, то с деревьями обнимается, то стариков достает, а если бы доставала деревья, а стариков обнимала, то на нее и внимания бы никто не обращал. Сюда, – позвала она, проводя Китти сквозь арку к садовой скамье. – Поймите меня правильно: прекрасно, что кто-то навещает наших стариков, – оговорилась Молли, не желая обидеть гостью. – Им тут бывает одиноко, но все же мы бы предпочли волонтеров в здравом уме.

Послышались звуки пианино, любительница стариков и деревьев распевала детскую молитву.

– Бриджет часто навещают?

– Ее родные приезжают только по выходным. До нас не так-то легко добраться, вы сами в этом убедились. Но не переживайте, Берди несколько этим не огорчена. По-моему, ей даже нравится, что ее нечасто беспокоят. Устраивайтесь поудобнее, сейчас я ее приведу.

Она отошла к одной из небольших пристроек. Китти огля-

делась по сторонам, села и стала ждать. Блокнот она держала наготове, включила диктофон: что за рассказ она сейчас услышит?

Вот и Бриджет. Она шла, опираясь на трость, но двигалась так изящно, что казалась учительницей танцев, а никак не старухой. Аккуратно уложенная седая прическа, волосок к волоску, тронутые светлой помадой губы сложились в приветливую улыбку, в глазах – живой интерес: она издали присматривалась к Китти, пытаясь угадать, кто к ней пришел. Хорошо одета, со вкусом: похоже, потратила немало времени, приводя себя в порядок, хотя и не ждала сегодня посетителей.

Китти поднялась ей навстречу.

– Принесу вам чай. Да, Китти?

Китти поблагодарила Молли кивком и обратилась к Бриджет:

– Бриджет, я так рада, что наконец-то отыскала вас! – И сама удивилась своей искренней, почти детской радости. Но ведь и правда: нашла человека из списка, словно соприкоснулась с Констанс, сможет теперь продолжить тот путь, который ее подруга наметила, да не успела осуществить.

Бриджет улыбнулась с некоторым облегчением.

– Зовите меня Берди. Так мы раньше не встречались? – Это прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

– Нет.

– Я все еще горжусь своей памятью, но она порой меня

подводит, – улыбнулась старая женщина, и в ее речи проскользнул легкий акцент графства Корк.

– На этот раз она вас не подвела. Мы с вами не встречались, но у нас есть общая знакомая, с которой вы встречались или по крайней мере говорили по телефону. Это Констанс Дюбуа. – Китти сдвинулась на край скамейки, нетерпение распирало ее. Она ждала, что глаза Берди вспыхнут узнаванием, но этого не произошло, и надежды Китти вновь угасли, как огонь под мокрым одеялом. Она вытащила из сумки «Etcetera» – может быть, при виде журнала старуха вспомнит? – Я работаю в этом журнале. Констанс Дюбуа была нашим главным редактором. Она хотела написать статью и для этой статьи собиралась побеседовать с вами.

– Очень жаль. – Берди сдвинула очки на лоб, подняла глаза от журнала. – Боюсь, вы меня с кем-то спутали. Да еще и заехали в такую даль! Но я никогда не слышала о вашей подруге...

– Констанс.

– Да, Констанс. Нет, она со мной не связывалась. – Она снова глянула на журнал, словно тоже надеялась, что это поможет ей вспомнить. – И журнал я ваш никогда прежде не видела. Вы уж меня извините.

– Констанс никогда к вам не обращалась?

– Боюсь, что нет, дорогая моя.

– Не получали от нее письма, или электронной почты, или еще какого-нибудь сообщения? – Китти не могла скрыть

свое отчаяние, свое разочарование, того гляди, поинтересуется, в каком возрасте в семействе Мерфи начинается склероз.

– Нет, дорогая, вы уж извините. Я бы такое не забыла. Я тут уже полгода и точно знаю, что никто не пытался связаться со мной. Разве что тот цербер на входе не впустил ее, требуя предварительной договоренности? – Берди еще раз присмотрелась к журнальной обложке. – Уж я бы запомнила, если б в кои-то веки у меня попросили интервью для журнала.

Молли принесла чай и поставила чашки, подмигнув при этом Берди. Что-то не чаем от них пахло.

– Мой единственный друг здесь. Остальные сплошь пуристане. – Берди с улыбкой отхлебнула свой бренди.

К разочарованию Китти, ее чай оказался не более не менее как чаем – сейчас бы выпить чего-нибудь покрепче.

– Констанс могла обратиться к вам полгода назад или даже год. Когда вы еще жили в Бомонте.

При упоминании ее прежнего адреса на лице Бриджет выразилось недоумение, и Китти поспешила объяснить:

– Я сегодня заезжала туда. Агнес сказала мне, где вас искать.

– А, так вот почему вы передали мне привет от нее. Агнес Дуулинг. Самая несносная старуха, какую я только знала. И самая преданная. Как она?

– Скучает без вас. Новые соседи ей не угодили.

Берди захихикала:

– Мы с Агнес старые товарищи. Сорок лет жили по соседству. Частенько выручали друг друга.

– Она хотела бы вас навестить, но ей так далеко не добраться.

– Да-да, – негромко подтвердила Берди.

Вдруг Китти подумала: ведь, попав сюда, каждый из обитателей дома престарелых навеки распрощался с прежней жизнью. Их навещают, возят на экскурсии, порой берут домой на выходные или на каникулы, но привычный распорядок жизни, люди, которые прежде их окружали, – все ушло. Она вспомнила Сару Макгоуэн, дипломированного бухгалтера, ныне собирающего арбузы на другом краю Земли.

Версия сюжета: расставание с прежней жизнью, принятие новой. Выброшенные из жизни?

Берди занервничала, покосилась на ее заметки. Так всегда: люди напрягаются в разговоре с корреспондентом, боятся сказать что-то не то.

– Мой редактор, моя подруга Констанс умерла две недели тому назад, – пустилась в объяснения Китти. – Она готовила материал для журнала и оставила его мне, однако не успела объяснить, что к чему. Ваше имя стоит в списке тех людей, о ком она хотела написать.

– Мое имя? – удивленно переспросила миссис Мерфи. – Но чем я могла быть ей интересна?

– Вот вы мне и скажите, – не сдавалась Китти. – Было ли в вашей жизни что-то такое, что могло ее заинтересовать? О чем она могла узнать? Что-то, о чем вы говорили публично и она могла увидеть вас по телевизору, услышать от кого-то еще? Или же ваши пути где-то пересекались? Ей было пятьдесят четыре года, она говорила с французским акцентом и взглядом могла прошибить стену. – Китти улыбнулась своему воспоминанию.

– Боже мой, с чего ж начать-то? – растерялась Берди. – Ничего такого я в жизни не совершала, не спасала утопающих, не получала наград... – Она смолкла, потом добавила: – Нет, не знаю, чем я могла ее заинтересовать.

– Вы позволите мне написать о вас? – спросила Китти. – Позвольте расспросить вас, выяснить, что привлекло внимание Констанс?

У Берди заалели щечки.

– Господи, я-то собиралась играть в шахматы с Уолтером и думать не думала, что ко мне явится корреспондент из журнала. – Она легко, по-детски, рассмеялась. – Но я с радостью помогу вам. Не знаю только чем.

– Отлично, – сказала Китти, хотя уже не так уверенно. Человек из списка отыскался наконец, но этот человек понятия не имел, в чем дело. Все страньше и страньше⁵.

Берди уловила ее замешательство:

– Сколько людей в том списке?

---

⁵ Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес. Перевод Н. Демуровой.

– Всего сто имен.

– Господи! – ахнула она. – И никто не знает, о чем речь идет?

– Пока мне удалось найти только вас.

– Надеюсь, с другими вам больше повезет.

«Я тоже надеюсь». Но этого Китти вслух не произнесла.

Под мягким нажимом Китти Берди – она предпочитала именоваться именно так – выложила всю свою жизнь, начиная с детства и заканчивая нынешним днем. Китти пока не вдавалась в подробности, отмечая по ходу дела, о чем следовало бы расспросить при повторном визите. Сперва Берди стеснялась, как любой человек, когда ему задают чересчур личные вопросы, что-то пропускала, больше говорила о других, чем о себе, но постепенно вошла во вкус, и шестеренки ее памяти стали крутиться все быстрее.

Берди, восьмидесяти четырех лет от роду, выросла в маленьком городке графства Корк на юго-западе Ирландии. Ее отец преподавал в школе и дома был так же строг, как на работе; мать умерла молодой, девочка рано осиротела. У нее были три сестры и брат, а когда Берди исполнилось восемнадцать, она перебралась в Дублин и жила в семье, присматривая за хозяйскими детьми. В тот же год она познакомилась с Нилом, вышла за него замуж, один за другим пошли дети – всего семеро, шестеро парней и девчонка, старшему уже шестьдесят пять, поскребышу сорок шесть – это дочка, она самая младшая, Бриджет родила ее в тридцать восемь. И на

том бы не остановилась, но сообразила отселить супруга на диван. Семеро детей росли в Кабре, а потом в Бомонте, в том самом доме, куда Китти пыталась нынче проникнуть. С воспитанием детей помогала в основном Агнес, заменяя отца – муниципального служащего, – который целыми днями пропадал на работе.

Жизнь Берди нельзя было назвать неинтересной, однако и ничего из ряда вон выдающегося Китти не услышала. Под конец Берди и сама смутилась, чуть ли не извинялась за то, что нет ничего позанимательнее, а Китти успокаивала ее, твердя вновь и вновь, что это была замечательная жизнь, что многие женщины могли бы восхищаться Бриджет и брать с нее пример.

На обратном пути Китти перечитала свои записи и с чувством стыда за свой профессиональный цинизм подумала: прекрасная жизнь, огромная семья, но ведь этого недостаточно.

В темном саду зажглись светильники вдоль дорожек и фонари над головой. Берди еще долго сидела на скамье после того, как рассталась с Китти, думая о том, как мало было в ее жизни приключений, – ее простой рассказ ничем не помог этой молодой образованной даме, которая потратила на нее битый час, а ведь Берди изо всех сил старалась выбрать что поинтереснее. Никого, кроме нее самой, эти воспоминания не могли заинтересовать, да и ей порой собственная жизнь

становилась неинтересна, и все же это была ее жизнь, и Берди эта жизнь нравилась, она всегда выбирала себе ношу по плечу. Как в такой вечер не отдаться на волю воспоминаний? Она играла всю партию до конца, а вот Уолтер получил шах и мат чуть ли не в самом начале.

На будущей неделе Берди исполнится восемьдесят пять: конечно, у нее есть в запасе сюжеты, есть и секреты, как у любого человека. Но вот который из них имеет смысл рассказать Китти – с которым из них, после стольких лет, Берди готова расстаться?

А Китти снова потратилась на такси и по дороге домой сделала вид, будто не слышит звонка Пита. Невозможно признаться, что нисколько не продвинулась, услышать его снисходительный тон, сомнение, осуждение, которые волей-неволей просачиваются в каждое слово начальника. Китти отключила звук, а в результате пропустила другой звонок, когда же стала прослушивать голосовую почту, женский голос завопил в трубке так, что водитель сердито оглянулся, и Китти поспешно приглушила громкость.

«Алло, Китти, это Гэби О’Коннор, рекламный агент Эвы Ву. Мы слышали вчера ваше сообщение, но были очень заняты, простите, что не ответили. Эва с радостью даст вам интервью. Мы живем в Голуэе, но завтра будем в Дублине. Эва дает интервью в «Арноттс»⁶ на Генри-стрит. Может

---

⁶ «Арноттс» – самый крупный и старинный универмаг в Дублине. Центральный

быть, вы сумеете встретиться с нами там?»

Эва Ву, номер третий из ста имен. Китти дозвонилась ее помощнице, а помощница оказалась рекламным агентом. Эва дает интервью на телевидении – кто она такая и почему Китти слыхом о ней не слыхивала?

Вернувшись домой после изнурительного дня, но все же с ожившей надеждой нащупать сюжет, Китти наткнулась на собачье дерьмо – вся дверь была вымазана.

Глава восьмая

– Извини, что вытащила тебя из дома в такую позднотищу! – Пока Стив вылезал из своей машины, Китти поспешно утерла глаза – авось не заметит, что она ревела. – Я и не думала просить тебя приехать, я просто не знала, кому еще звонить. Эти, из химчистки, посулили выселить меня в следующем месяце, если безобразия не прекратятся, поэтому я не хотела звонить в полицию, а кому еще звонить? Извини-извини-извини, – твердила она.

– Хватит повторять «извини-извини»! Давай-ка заткнись! – ласково заговорил Стив, обнимая Китти за плечи и прижимая ее к себе настолько, насколько допускал его синдром – неспособность к публичному проявлению чувств, – и хотя это больше походило на хватку, какой футболисты приветствуют друг друга, Китти была благодарна уже за то, что Стив вообще сумел дотронуться до нее. – Что на этот раз? – спросил он.

Отвечать нужды не было, запах бил в нос уже на первой ступеньке подъезда.

– Ох ты! – Стив поспешно натянул ворот свитера на лицо, прикрывая рот и нос.

Двадцать минут, задыхаясь и чуть не блюя, они отчищали дверь от дерьма, а от запаха, казалось, и вовсе не избавиться. Все так же извиняясь и благодаря, Китти повела Стива

ужинать в ближайшее бистро.

– Нужно еще раз помыть руки, – поморщился Стив. – Запах так и липнет. Я не смогу притронуться к еде.

– Ты уже седьмой раз руки моешь, – рассмеялась Китти, но Стив вновь направился в туалет.

– Так что у тебя слышно? Новая линия Виктории Бекхэм – «Говно или Самое оно»? – спросила Китти, дождавшись Стива из уборной.

– Ха-ха, – без улыбки ответил он. – Понятия не имею, мне ее мода параллельна.

Стиву, по правде сказать, любая мода была параллельна, он придерживался собственного стиля – не то чтобы плохого, но весьма консервативного, установившегося еще в студенческую пору, разве что материал его одежек стал подороже и стирал он их почаще. К тридцати четырем годам он так и не сумел укротить стоявшие дыбом курчавые волосы, отросшая челка заслоняла голубые глаза, и Стив то и дело вздергивал голову, убирая завесу с глаз, – уже прогресс, по молодости он делал это руками. Хронически небрит, эдакая богемная щетина, ни разу в жизни Китти не видела приятеля ни бритым, ни с настоящей бородой. Униформой ему служили джинсы и кожаные куртки – ему бы о панк-музыке писать, а не о спорте, и тем более не проводить жизнь возле спорта, в постоянном недовольстве собой. Даже на матчи Стив никогда не надевал свитер и не доказывал свою приверженность игре обтягивающими плечи футболками. Вечный

студент, безденежный, вынужденный делить свое жилище с какими-то странными типами, переезжать, подлаживаться к чужим обстоятельствам. Недавно он переселился в симпатичный блочный коттедж в пригороде, к молодоженам, которым пришлось сдавать комнату, чтобы выплачивать ипотеку. Прожив полгода по строгим правилам этой семейной пары, Стив многое от них перенял, и казалось даже, будто он несколько повзрослел.

– Вообще-то, – произнес Стив, ерзая на стуле (верный признак, что он собирается сказать нечто, на его взгляд, заслуживающее внимания), – я больше не работаю в газете.

– Как?

– Я больше не работаю в газете, – не меняя интонации, повторил Стив.

– Я поняла, но... тебя что, уволили?

– Нет! – Он вроде бы обиделся. – Я сам ушел.

– Почему вдруг?

– Почему? Ясное дело. По тысяче причин, но главным образом потому, что ты была совершенно права – помнишь, пару недель тому назад ты сказала...

– Нет-нет-нет, – перебила она, не желая услышать, что же она такое сказала. – Я была неправа. Во всем неправа. Ради бога, что бы я ни говорила, это не должно как-то влиять на твою жизнь.

– Обычно и не влияет, – усмехнулся Стив.

– Вот и хорошо.

– Но в тот раз ты была права. Вряд ли я изменю мир такими вот сюжетами, и даже если бы сами по себе они имели какое-то содержание, редактор правит их так, что ничего моего не остается. И кстати говоря, я не собирался преобразовать мир своими статьями. Я просто люблю спорт, мне нравится смотреть спорт, болтать о нем, читать, и я хотел стать одним из тех, кто пишет о спорте. Больше ничего.

– В какую газету ты перешел?

– Ни в какую.

– Я так поняла – ты ушел, чтобы писать о спорте.

– Я ушел, потому что не мог писать о спорте. Какой смысл торчать там? Писать idiotские и к тому же лживые заметки о людях, которых я не знаю да и знать не хочу, – не о такой работе я мечтал. В самый раз для Кайла, который убегает с собрания, чтобы не пропустить заставку «E! News»⁷

---

⁷ «E! News» – американская программа о жизни знаменитостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.